

№7
Июль 2012

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

 23:00

 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7⁽⁸¹⁾
Июль 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТАЛАНТЛИВОЕ НЕТЛЕННО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 10 РОССИЯ ЧТИТ ГРУЗИНСКИЕ СВЯТЫНИ
АРХИМАНДРИТ ЕЛИСЕЙ (ЦЕРЕТЕЛИ)
- 12 ДЛЯ КРЕПОСТИ СОЮЗА МУЗ
ИЛАМАЗ МИЦИШВИЛИ
- 16 «МНЕ СТРАШНО В ЖИЗНИ
ГРУЗИИ ЛИШИТЬСЯ»
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
- 17 ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 22 УШЕЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ВИВАТ, ЛИЕПА!
НАДЕЖДА БЕЛОВА
- 36 ГРУЗИНСТВО - ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ
ЛИЯ БУАДЗЕ
- 39 ДОРОЖНАЯ КАРТА
ВАХТАНГ БУАЧИДЗЕ
- 42 КОЕ-ЧТО О СТАРШЕМ ДРУГЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 45 ЛЕБЕДИ
РЕВАЗ ИНАНИШВИЛИ
- 46 СКАЗОЧНИК В ГОСТЯХ У СКАЗКИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 50 В ЗАЩИТУ МОГУЧЕГО
МИХАИЛ АЙДИНОВ
- 53 МУЗЫКА ВОЛН, МУЗЫКА ВЕТРА
АЛЕНА ДЕНЯГА

На обложке - Старый Тбилиси
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

«Я ИГРАЮ НА ПОХОРОНАХ И СВАДЬБАХ»

Он просто пел про жизнь, про хороших людей, о тесных улочках старого города, о красоте окружающих гор. Его звали на праздники и на похоронные застолья. Ибо кто еще в славном Тбилиси мог так проникновенно спеть о самом важном. «Грузинским сиротой» он назвал себя сам, ибо поэт часто чувствует себя одиноким. А народ воздал ему славой – на центральной площади стоит его памятник.

15 июля 1875 года родился знаменитый тбилисский ашуг Иэтим Гурджи или Дабгхашвили. Тот, кого собирались слушать сотни простых людей. Потому что он долгие годы был лучшим и любимым певцом грузинских улиц. И даже когда он умер, на его могиле вместо траурного плача состоялся один из самых ярких концертов городских музыкантов, которые тоже играли похоронах и на свадьбах.

210 ЛЕТ НАХИМОВУ

5 июля 1802 года родился знаменитый русский адмирал, крупный флотоводец, герой обороны Севастополя Павел Степанович Нахимов. Командуя объединенными войсками морских и сухопутных сил Крыма, он проявил стратегический талант в обороне Севастополя 1854-1855 годов.

Адмирал Нахимов стал одним из символов русской отваги, патриотизма, недаром в его честь был учрежден один из самых почетных орденов – Орден Нахимова 1-й и 2-й степени.

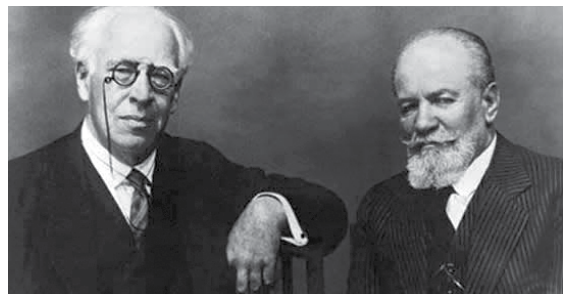
«МАРК ШАГАЛ ПЛЫЛ ПО ЖИЗНИ, НЕ ШАГАЛ...»

Он был кудрявым, румяным юношей с крючковатым носом и жил в еврейском местечке неподалеку от белорусского Витебска. Его звали Марк. У него было двадцать семь рублей. Он стал любимым учеником Бакта, который выбил ему стипендию, чтобы Марк отправился в Париж. Париж станет городом его жизни, но случится это очень нескоро. Сначала будет Первая мировая война, потом революция, потом гражданская... Марк даже станет комиссаром Наркомпроса Витебска и будет расписывать со своими учениками дома родного города причудливыми и волшебными картинками, так напоминающими русские лубки... Но он все-таки уехал, хоть и был не враг, ни существующему строю, ни родной стране. Уехал и прожил долгих 97 лет.

Марк Захарович Шагал, которому 6 июля исполняется 125 лет со дня рождения, стал одним из самых блестящих художников минувшего века. Его работы занимают видное место в живописных коллекциях крупнейших музеев мира. И даже в парижской Гран-Опера плафон над знаменитой люстрой украшен его росписью, яркой, как хвост витебского петуха.

Я БУДУ В ЧАС

Как известно, театр начинается с вешалки. Но этот театр начался с ресторана. Ресторан был в Москве на старинной улице Никольской и назывался «Славянский базар», он и сейчас так называется. И просла-

вился он тем, что ровно 115 лет назад в нем встретились два молодых интеллектуала: один – представитель пишущей богемы, писатель-драматург Владимир Иванович, а другой – выходец из богатейшей купеческой семьи Алексеевых, страстный актер-любитель Константин Сергеевич. Владимир Иванович послал свою визитку Константину Сергеевичу с приглашением посетить вышеуказанное место и приписал: «Я буду в час. Не увидимся ли?» Они встретились и разговаривали почти сутки. Обсудили все – от творческой концепции будущего театра до выбора авторов и разделения обязанностей. Наутро отправились на дачу к знакомому миллионеру Мамонтову для решения финансовых вопросов. Так был создан знаменитый МХАТ Немировичем-Данченко и Станиславским.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗНАКОМСТВА

Ровно 55 лет назад, 6 июля 1957 года, во дворе приходской церкви в Вултоне на ливерпульской окраине проходил концерт художественной самодеятельности. Пели школьные хоры, бренчали гитарами самопальные рок-группы. Стоявший в толпе опрятный пятнадцатилетний мальчик с интересом поглядывал, как играет одна, наиболее забойная, команда. Особенно ему понравился семнадцатилетний «старик» в клетчатой рубашке. После выступления они раз-

говорились и «клетчатому» понравилась, что мальчик из толпы хорошо настраивает гитару. Он немедленно пригласил пацана в свою команду. Так сложился костяк будущего великого ансамбля «Битлз» - ведь пятнадцатилетним мальчиком был Пол Маккартни, а «клетчатым стариком» - Джон Леннон. Через пять лет вместе с примкнувшими к ним Харрисоном и Ринго Старром им было суждено покорить музыкальный Эверест и навсегда стать королями рок-музыки.

КОГДА СЛОМАЛАСЬ ГАЗОНОКОСИЛКА

Когда-то в середине XIX века, на самой окраине Лондона существовал английский крокет-клуб. Юноши из приличных семей окрестных домов играли там не только в крокет, но и в лаун-теннис – модную игру, где мяч перекидывают ракетками через сетку. Так бы и существовал в безвестности этот тихий спортивный клуб, если бы однажды не сломалась газонокосилка. Юные спортсмены уже не могли позволить себе играть в любимые игры, поскольку площадки зарастали травой. А новая газонокосилка стоила аж 10 фунтов – сумасшедшие по тем временам деньги. Тогда и решили провести платный теннисный турнир, чтобы скопить требуемую сумму. Собралось больше двух десятков участников, заплативших по гинее. А также много зрителей, купивших билеты на дорогие сидячие и дешевые стоячие места вокруг единственного корта, подстриженного одолженной у соседа газонокосилкой. Матери спортсменов угощали зрители клубникой с собственных огородов. Победитель, Спенсер Гор, получил главный приз – кругленькую сумму в 35 гиней. Конечно же, хватало и на газонокосилку. Так состоялся первый в истории Уимблдонский теннисный турнир. Теперь это один из самых

знаменитых турниров мира с многомиллионным призовым фондом, куда съезжаются лучшие теннисисты планеты, а среди зрителей случаются главы государств и члены королевской семьи. Клубнику со сливками подают до сих пор – фермеры выращивают специальные сорта, поспевающие к началу июля – открытию Уимблдона.

ТАК НАЧИНАЛСЯ ЗОЛОТОЙ ВЕК

Ровно 250 лет назад, 9 июля 1762 года в России произошло судьбоносное, хотя и малосимпатичное событие. Оно перевернуло дальнейший ход нашей истории – в Петербурге был совершен дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла великая Екатерина II. Так начался Золотой век России – время блестящих царедворцев, мудрых государственных мужей, глубоких интеллектуалов, умелых полководцев и всесильных фаворитов. А малосимпатичным это действие оказалось оттого, что любой переворот замешан на предательстве и коварстве, а к власти приходят не совсем легитимные правители. Ведь уже 18 июля при загадочных обстоятельствах погиб низложенный законный российский император, внук Петра I, Петр III, обманутый муж, и, как считают современные историки, вовсе не слабоумный дурачок, каковым его выставляют поклонники таланта Екатерины Великой.

«ДРУГОЙ» КАРДИНАЛ

14 июля 1602 года, или 410 лет назад родился один из самых знаменитых персонажей романов Александра Дюма – Джулио Мазарини или Жюль Мазарен, как называли его парижане. А еще они его звали «другим» кардиналом, потому что он наследовал «тому самому» кардиналу – великому Ришелье. Вопреки малосимпатичному литературному образу, созданному талантливым, но немного несправедливым Дюма,

Мазарини вовсе не был мерзавцем, хотя властолюбие и интриги были ему отнюдь не чужды. Ришелье сам нашел этого красивого и талантливого итальянского прелата и пригласил его к французскому двору с тем, чтобы тот завершил дело его жизни – укрепление Франции. В итоге, Мазарини справился с этой задачей, хотя ему пришлось пройти для этого через интриги, восстания горожан и гражданскую войну под названием Фронда. Он не позволил развалить страну и передал ее в надежные руки своего крестника – великого короля Людовика XIV. К слову сказать, Карл д'Артаньян, реальный прототип неистового гасконца, вовсе не был врагом «другому кардиналу». Напротив, они были настолько близкими друзьями, что Мазарини называл его на «ты». Мало кто удостаивался такой милости.

У ДЮМА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Он родился дождливым днем 24 июня. У него были незаурядные предки. Его дед был французским маркизом, родственником королей, бабушка – черной, как смоль, рабыней, загадочной и таинственной африканской колдуньей. А его мулат-отец был знаменитым кавалерийским генералом – отважным рубакой и лихим храбрецом, который не побоялся бросить в лицо всесильному Наполеону обвинение в предательстве республиканских идеалов, когда тот возложил на себя императорскую корону. Сам же он был курчавый, смуглый, голубоглазый и довольно крупный человек, обладающий фантастической силой. А талант его был настолько огромен, что и сейчас, двести десять лет со дня его рождения, мало найдется на свете людей, которые не читали его книги – самого великого рассказчика в истории Александра Дюма. Только он мог, как непостижимый чародей, мановением какой-то неведомой волшебной палочки, превратить довольно скучноватый политический детектив из придворной жизни начала XVII века в блистающий мир схваток, погонь, звона шпаг, бескорыстной дружбы и гордого клича «Один за всех и все за одного».

Роб АВАДЯЕВ

ТАЛАНТЛИВОЕ НЕТЛЕННО

▲ Александр Эбаноидзе

Перед началом работы над этим материалом захотелось перечитать один из лучших романов Александра Эбаноидзе – «Два дня в деревне, или Брак по-имеретински», бестселлер конца шестидесятых – начала семидесятых годов прошлого века. И я убедилась в аксиоме: талантливое нетленно. Роман нисколько не устарел, написан с какой-то моцартианской легкостью, сочным, упругим языком и в то же время глубок, затрагивает вечные темы, так что время над ним не властно. Эбаноидзе так описывает природу, быт, нравы Имерети, что читатель ощущает терпкие ароматы этого края, осязает шероховатость глины, из которой юный скульптор Ладо лепит свою «Бегущую девушку», а герои, выведенные писателем, настолько достоверны, что мы видим каждую черточку их лиц, слышим их голоса... В романе органично соединяется русская классическая традиция с грузинским колоритом. Вот когда осознаешь силу писательского слова! Недаром Александру Луарсабовичу так дорог именно этот его роман. По словам писателя, он был ему словно надиктован «сверху», он его просто записал. «Наверное, главное мое достоинство как писателя – умение пластически воссоздать пейзажную картину, - считает он. - В том же «Браке по-имеретински» у меня так описана речка, что для читателя это одно удовольствие! Я все время возвращаюсь к этой своей давней вещи!». - «Не потому ли, что считаете этот роман своим лучшим произведением?» - «Да, пожалуй. Хотя, должен сказать, что мнения читателей разделились: есть большой круг людей, предпочитающих именно этот мой роман и еще следующий – «... Где отчий дом», но есть и другие мнения».

В октябре в свет выходит новый роман писателя – «Предчувствие октября». Впервые произведение Александра Луарсабовича основано на российском, русском материале. Рождалось оно не просто, в бесконечных сомнениях. По словам писателя, возможно, ему не хватало «грунтовых, глубинных, подспудных пи-

тающих вод». С другой стороны, он добивался острого социального высказывания.

«Меня что-то не устраивает – получается мелко-мелко, - рассказывал писатель в период работы над романом. - Необходим другой масштаб – масштаб большой жизни. По модели построения мой роман, может быть, схож с фолкнеровским романом «Шум и ярость». В нем три персонажа – члены одной семьи. Три внутренних монолога должны представить и создать картину русской жизни...»

НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

- Самое сильное впечатление ранних лет – Лев Толстой, его «Война и мир», «Казачьи»... До того дошло, что в студенческие годы мне приснилось, будто Лев Николаевич спал на тахте на балконе моего деревенского дома. И даже как будто какой-то разговор небольшой между нами состоялся. Потом прочитал еще целый ряд вещей очень значительных – тот же «Шум и ярость» Фолкнера. Я Фолкнера читал много, но этот роман особенно любил. Поразительной свежести и силы было это высказывание! Загадочность и иногда какая-то резкая материальность, что ли. Как бы разрывая ткань бумаги, оттуда выплескивается, вырывается сама жизнь. Это совершенно удивительный роман! Так же, кстати, как и «Иосиф и его братья» Томаса Манна. Наверное, в свое время еще более сильное впечатление – «Доктор Фаустус». Это было какое-то античное пиршество! Но я назову еще одну вещь последнего времени. Очень больно задел меня роман «Годори» Отара Чиладзе, который я, кстати, перевел. Я хотел сказать о том, как глубоко он меня затронул, рассказав с такой силой о трагедии последних лет.

ЭТОТ САМОРОДОК ОТИА ИОСЕЛИАНИ...

Так получилось, что в большую литературу Александр Эбаноидзе вошел благодаря переводам, и первой его публикацией стал рассказ Отиа Иоселиани

«Девушка в белом». Он был напечатан в «Литературной газете» летом 1960 года. С тех пор, Иоселиани с Александром Луарсабовичем связывала дружба.

- Мы познакомились больше пятидесяти лет назад. Отиа был очень сложным человеком даже в дружеском общении. Но у нас с ним сложились замечательные отношения! Иоселиани учился на Высших литературных курсах в Москве, а я – в Литературном институте в эти же годы. Так мы познакомились. Отиа часто уезжал к себе в деревню и оставлял мне свою комнату, где стоял бильярдный стол среднего размера. Эту деталь я навсегда запомнил... В литературу Отиа вошел ярко, самобытно. Любил рассказывать, как на Высших литературных курсах все поначалу немного сторонились его, косо, удивленно поглядывали на его специфическую мрачноватую фактуру – в молодости особенно. Уже в старости Отиа Иоселиани стал седым, благообразным, а в юные годы был очень черным. И обсуждать особенно не собирались то, что он мог написать. Но вдруг так случилось, что именно к тому утру, когда предполагалось обсуждение творчества Иоселиани, я перевел его небольшой рассказ и передал ему мой перевод. Рассказ очень хорошо, выразительно прочитала его однокурсница – поэтесса. И он произвел шоковое впечатление! Как вспоминал Иоселиани, все стали хвалить автора вообще, но не самого Отиа. Дескать, не может быть, чтобы он был автором этого рассказа. Отиа умел с юмором подать эту давнюю историю. Кстати, кроме этого факта обсуждения на семинаре, хочу привести еще один. Отиа был отмечен в большом докладе Георгия Маркова на пленуме Союза писателей. Этот доклад занимал в «Литературной газе-

те» целый разворот: обсуждалась вся советская литература. Много места в докладе Маркова было уделено рассказу Отиа Иоселиани «Вдовьи слезы». Докладчик, конечно, упрекнул писателя за рискованный эротический сюжет, но при этом отметил мастерство Отиа Иоселиани. «Посмотрите, как написано!» Георгий Марков очень уважительно это сказал.

Не забуду наши с Отиа многочисленные вылазки, путешествия. Особенно запомнилась поездка в какую-то удивительно красивую долину, где был горный ручей, в котором водилась форель... Запомнились и другие поездки в южную Грузию. Отиа очень любил мою деревню, мою деревенскую родню. Мне тоже близки его родные, сыновья. И мы оказались с ним словно в одной семье... Помню, как однажды увидел у него замечательный японский автомобиль. «Хорошая машина!» - говорю. «Но у него ограничитель до 150 километров!» - возразил Отиа. «А зачем тебе большая скорость?!» - искренне удивился я. В этом был весь Отиа, а ведь тогда ему было уже под восемьдесят... Природно, стихийно он был очень талантлив! Я много его переводил. Жаль, что последний роман Иоселиани «Черная и голубая река» перевел не я. Он появился тогда, когда литература оказалась на обочине. Это сильное, удивительно глубокое произведение.

ДРУЖБА НАРОДОВ – ШТАМП СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ?

С 1995 года Александр Эбаноидзе возглавляет журнал «Дружба народов». И все эти годы – больше семнадцати лет! - спасает его, борется за его существование. Александр Луарсабович застал журнал на грани кризиса. Совсем недавно газеты и электронные СМИ забили тревогу: «Кому мешает «Дружба народов»?», «Дружба народов» под угрозой закрытия!», «Дружбу народов» выгоняют на улицу»... Однако мой недавний телефонный разговор с писателем развеял опасения за судьбу издания, любимого многими читателями: мэр Москвы обещал в ближайшее время разрешить вопрос с помещением для редакции журнала.

- Когда я пришел в редакцию в сентябре 1995 года, еще не был напечатан даже февральский номер. А сегодня нас бесконечно выселяют из редакционных помещений... Когда мы отмечали 70-летие журнала, все президенты СНГ прислали неформальные поздравления и приветствия. Основан Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, который нам реально помогает.

Если говорить о названии журнала, то, признаться, и в советские времена я осознавал его плакатность, лозунговость. В литературном смысле это не находка – назвать журнал «Дружба народов». Хотя это задумывалось Горьким и готовилось серьезными людьми. Сегодня необходимость такого журнала, его продуктивной работы особенно велика! Потому что на постсоветском пространстве у нас друг о друге настолько мало достоверной информации, что возникла острая необходимость присутствия журнала в общественной, интеллектуальной жизни. Иначе возможны любые искажения реальности, что

▼ Встреча в Переделкино

и происходит во всякой – и в желтой, и в не желтой прессе. А правду, настоящую, серьезную правду о том или ином народе должна нести талантливая литература – Грант Матовян, Отар Чиладзе, Отиа Иоселиани, Василь Быков... Получается список из прошлого. Но я опасаясь, что если назову новые имена, они будут для многих совершенно неизвестными. Эти авторы появились пять, десять, пятнадцать лет назад. Оксана Забужко, Юрий Андрухович, Алишер Ниязов – Алексей Торк из таджикско-киргизской семьи, пишущий на русском. Еще одно имя: Сухбат Афлатуни – тоже псевдоним. Восточное фонетическое образование от «Диалогов Платона». За псевдонимом «Афлатуни» – писатель Евгений Абдуллаев. Есть еще целый ряд по-настоящему интересных писателей из этого региона. Фавориты по-

следнего времени – эстонцы Андрус Кивиряхк, Яан Кросс. Последний, остро-политический роман Яана Кросса мы опубликовали. Отмечу повесть русского писателя из Казахстана Николая Веревоchina «Человек без имени», тоже напечатанную в «Дружбе народов». Кстати, я читал Веревоchina как член жюри «Русской премии», которое возглавлял Чингиз Айтматов. По поводу Веревоchina он позвонил мне из Брюсселя и поинтересовался: «Кто этот человек?» Да, это действительно сильная, интересная повесть!

Это все «литературно-интеллектуально-духовное» необходимо, чтобы разрыв связей не был таким болезненным. С распадом Союза сразу возникли взаимные недоверие, претензии. А талантливая литература – эта ведь информированность! – может взаимную приязнь сохранить. Не вычеркнуть того, что мы были вместе, что у нас долгие годы была общая история. Того, что мы ездили друг к другу на какие-то культурные и литературные события. Мы к ним на Балтийское побережье, а они к нам – на Черное море. Очень важно, чтобы произошедший разрыв не был болезненным и травматическим, чтобы сохранялись человеческие отношения и информация друг о друге. Грузин узнали через «Отца солдата» и «Дату Туташиа» – народный характер! Жаль, что все мы не очень хорошо вписались в эти сложные времена, по разным причинам.

РОССИЯ – ГРУЗИЯ: КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ

- Что касается моей профессиональной работы и общения в литературной среде, то я не ощущаю, в принципе, никаких изменений, связанных с отношениями двух стран. Я довольно часто выступаю в эфире радио «Свобода» по приглашению Владимира Кара-Мур-

зы, участвую в пространных беседах на актуальные темы. Комментирую, анализирую какие-то события, особенно в периоды обострений. Раньше я делал это активнее. А сейчас, убедившись в бесплодности подобных занятий, беру слово только в крайних случаях, если в чем-то перегибает или что-то искажает российская пресса... Я четко разграничиваю свою функцию как главного редактора журнала и человека, которому задают какие-то вопросы. Как редактор я пытаюсь соблюдать баланс. Скажу: прежней естественности и органичности нет. Обострения отразились на грузинах вообще, я тому свидетель. Был момент, когда из Москвы высылали людей, приехавших на работу, в школах выясняли, у кого из детей грузинская фамилия, кто – скрытый грузин. Это было довольно тягостно. Но, слава богу, с этой ситуацией довольно быстро справились, она была выправлена оперативно, ведь это был явный перегиб.

Если говорить о Грузии, то, мне кажется, что в общественном нашем самоощущении нет четкости, ясности плана действий. И потом, совершенно необходимо соединять серьезные действия с внутренним принципом какого-то самопожертвования, самоотдачи. Я где-то читал, что Япония, проигравшая войну, лет десять-пятнадцать жила на страшно ограниченном рационе. На обед была небольшая мисочка риса с пятном томатного сока. Японцы экономили средства для того чуда, которое в итоге совершили. Они во всем сильно себя ограничили, но сумели осуществить поразительный рывок. Видимо, когда нация в очень сложном положении, проходит испытание исторического масштаба, нужны еще и морально, внутренне обеспеченные самой нацией самоотверженные жесты, действия, шаги... А мы к этому не готовы. Мы хотим и того, и этого, и другого, не хотим себе ни в чем отказывать. Можно назвать это индивидуализмом, неготовностью к самопожертвованию.

НУЖНЫ ЛИ НАМ БОЛЬШИЕ РОМАНЫ?

- Литературу сегодня мало читают, в особенности большие романы. В связи с этим я даже проделал однажды большую работу. В свое время, как я уже сказал, я очень эмоционально пережил роман «Иосиф и его братья». Гораздо позднее я сделал дайджест – выжимку из этого романа. Вообще-то я категорически против дайджестов, но вот что касается этой вещи... Думаю, суть великого романа Томаса Манна должен знать каждый мало-мальски культурный человек. Нужно, строго говоря, знать не только произведение Манна, но первоисточник – Библию, который архаичен лексически, ему не хватает психологических мотиваций для увлеченного чтения. Именно по этой причине Томас Манн написал свой роман, кстати, Гете и Толстой тоже любили импровизировать на эту тему – она просто напрашивается на более пространный рассказ. Но в итоге это сделал прекрасный немецкий писатель! При этом нужно согласиться с тем, что мало найдется читателей, готовых прочитать роман, который по объему больше «Войны и мира». Читать такие объемистые книги народ явно не готов... Что касается моего дайджеста, то он получился. Книжка очень красиво издана и доброжелательно отрецензирована. Она вышла в 90-е годы, когда люди стали охладевать к большим романам. Ведь и времени для этого не было. Жизнь стала такой, что нужно было просто выживать.

- Сегодня возможны такие литературные потрясения?

- Интересно прочитать то, что написано Станиславом Рассадным по поводу романа Отара Чиладзе «Годори» в «Новой газете». Он приходит к выводу, что наконец-то на постсоветском пространстве состоялось литературное событие. При этом Рассадин набрал сло-

во «событие» крупными буквами. А заканчивается рецензия утверждением, что в русской литературе такого произведения об этом периоде нет. Вот ответ на ваш вопрос квалифицированного литератора и хорошего читателя.

ТЕНДЕНЦИИ

- Вы, конечно, следите за тем, что происходит в русской литературе. Что удивило вас за последнее время? Какие тенденции можете отметить?

- Заметна вот такая вещь. Закончились постмодернистские игры. Постмодернисты сделали свое дело, и что-то положительное в итоге привнесли – стилистическое раскрепощение, например. Иногда чрезмерное. Словом, какую-то свою работу постмодернизм проделал. А сейчас все осутимее происходит возвращение к серьезному социально-аналитическому высказыванию. Имею в виду того же Захара Прилепина, живущего в Нижнем Новгороде, или Ирину Мамаеву. И среди них есть талантливые, сильные писатели, возвращающиеся к мощной русской классической традиции. Но звук все-таки другой, сегодняшней.

- А как относитесь к творчеству Владимира Сорокина, к примеру?

- Я не очень хорошо знаю творчество писателей этого типа. Я прочитал буквально по одной вещи. И мне показалось, что можно даже в этой форме и в этом жанре работать гораздо острее и интереснее. Сорокин – очень одаренный литератор, но у него нет серьезной, оригинальной идеи. В его романе «День опричника» опричнина – не та поразительная социальная метафора, как у Кафки, когда он пишет свои «Замок» или «Процесс». Это достаточно примитивный ход. Допустим, мы движемся к опричнине. Но, на мой взгляд, это и с художественной точки зрения мелко. Разве это так уж трудно – придумать одну-единственную метафору на весь роман? Живем, мол, как во времена Ивана Грозного. А последний эпизод романа – сексуальный?! Сорокин и тут свою функцию продемонстрировал: отряд опричников занимается бог знает чем. Какова же смысловая функция этого эпизода? За этим стоит то, что Сорокин желает обязательно шокировать читателя. Таких пародистов-имитаторов было немало в 30-е годы прошлого века. Но дар слова у Сорокина несомненный.

- Вас не смущает, что стали влиятельными и авторитетными не толстые литературные журналы, а гляцевые и гламурные?

- Назвать функцию гляцевых журналов в обществе влиятельной и авторитетной, пожалуй, я бы не мог. Их читает, покупает определенный круг читателей. Тем не менее, у толстых журналов осталась репутация

знака качества. Представьте себе, у нас – имею в виду «Дружбу народов» - было несколько предложений от богатых графоманов, хотя им ничего не стоило выпустить свои книги. Ни один из них не был у нас печатан! А они знают, что если тебя опубликовали в серьезном литературном журнале, то это – признание. Что касается гламура... У них, кстати, очень большие гонорары. Другая форма существования. Иногда хорошие писатели зарабатывают там очень прилично

- Рыночные отношения создают психологическое состояние, мешающее творчеству?

- Развитие рыночной экономики – это вектор, противоположный культуре. Рынок очень охотно поддерживает дешевую литературу. Я помню, как слушал по телевидению беседу с дочерью Василия Шукшина Марией Шукшиной. Она сетовала на то, что книги отца плохо раскупаются. Хотя пусти сейчас какой-нибудь слушок скандальный о его дочери, то даже это отразится на продажах. А выдai Василия Макаровича за кого-нибудь «эдакого», будет просто обвал тиража. Сумасшедший дом!

- Никогда не пытались писать на грузинском?

- Я всегда хотел перейти на грузинский язык. Даже предпринимал такие попытки, но не получилось. В-первых, есть какой-то сокровенный опыт у каждого человека, к литературе призванного, который на другом языке вообще не выражается с необходимой глубиной и исчерпывающей точностью. Конечно, великолепный русский язык – отточенный, замечательный инструмент! И мне предоставлена эта удивительная возможность на нем писать и общаться. Это, скорее, такое генетическое ощущение грузина. Когда-то Бесо Жгенти очень радовался успеху моего первого романа... Как «Звездапад» Иоселиани, тоже результат первого стихийного выплеска. Это свежее, непосредственнее, чем что-либо. Но дай бог мне и дальше работать...

- Александр Луарсабович, допускаете возможность своего возвращения в Грузию?

- Моя покойная жена любила обсуждать эту тему. Последние десять-пятнадцать лет мы с ней часто говорили о возможном возвращении. Но не в Тбилиси, а в имеретинскую деревню. Кайсын Кулиев однажды спросил меня: «Александр, как вы думаете, не пора ли вернуться на родину, пока окончательно не порваны связи?» Тогда и нужно было этим заняться. Сейчас и связи по-другому выглядят, и сил гораздо меньше. Но я приезжаю в свою деревню, привожу помалу наш дом в порядок. Бог даст, доведу ремонт до конца. Как сказал Лев Николаевич: «ЕБЖ». Ежели буду жив. Если буду жив, то через несколько лет надеюсь вернуться на родину. Я в Грузии себя очень хорошо чувствую! А в грузинской деревне – еще лучше.

Инна БЕЗИРГАНОВА

РОССИЯ ЧТИТ ГРУЗИНСКИЕ СВЯТЫНИ

Отец Елисей окончил Тбилисский государственный университет по специальности «физика». В 1968-1970 гг. работал в Президиуме Академии наук Грузии, затем, в 1970-2006 гг. – доцент кафедры геофизических методов разведки ТГУ им. Ив. Джавахишвили; автор научных трудов. По благословлению Католикоса-Патриарха Всея Грузии Ильи II в 1995 г. состоялось рукоположение в сан священнослужителя; служил в разных церквах столицы. В 2000 г. закончил Сафарскую духовную семинарию. В 2007 г. принял монашеский постриг. В том же году основал в Тбилиси мужской монастырь святой Варвары. В настоящее время служит в кафедральной Лавре Всесвятой Троицы.

▲ **Архимандрит Елисей (Церетели) у Католикоса-Патриарха всея Грузии Ильи II**

История Грузинской Церкви – это, в основном, история мученичества народа, которому ценой неисчислимых жертв удалось сохранить православие и государственность в окружении иноверных соседей. «Христос распялся ради нас, мы распялись ради Него. Этой маленькой Грузии распорол грудью и на ней, как на скале, возвели Христианский Храм. Строительным камнем кости свои клали, скрепляя раствор своей же кровью, и адские Врага не сокрушили его», - писал св. Илья Праведник.

После распятия и воскресения Христа осталось множество вещей, связанных с его жизнью и смертью, особенно дорогих, любовно хранимых и почитаемых грузинским народом святынь.

В течение столетий, в результате бесчисленных нашествий и опустошительных набегов вражеских полчищ, православные церкви – хранилища самых главных святынь не раз оказывались разграбленными. Первое, что делал захватчик, прежде чем предать огню опустевшие дома и виноградники, - осквернял дорогие сердцу каждого грузина памятники, уносил с собой святыне иконы, оклады, кресты, церковную утварь из золота и серебра, украшенные неописуемыми по красоте и ценности камнями.

К счастью, основную часть святынь удалось спасти и они по сей день украшают стены наших соборов. Некоторые из них сохранились и в России, стали предметом законной гордости Русской Православной Церкви. Развитию церковных братских отношений между двумя православными странами с древних времен и вплоть до 19-го столетия во многом содействовали афонские иноки грузинских и русских монастырей. Знаменательным явлением в укреплении духовных связей двух единоверных церквей послужили грузинские святыни, одновременно оказавшиеся в России. Это, прежде всего, копия Иверской чудотворной иконы Божьей Матери. Привезенная в середине 18-го столетия из Иверского монастыря, она стала общероссийской православной святыней. С благоговением были приняты и до сегодняшнего дня почитаются также вывезенные из Грузии и другие – чудотворные

▲ Гвоздь со своим ларцом

▲ Иверская икона Божьей Матери

– иконы Царицы Небесной: «Оконская» (18 в.) и «Грузинская», Гвоздь Господень.

Гвозди, которыми были прибиты руки и ноги Спасителя, издревле являлись объектом поклонения верующих. От них традиционно отделяли крохотные фрагменты для изготовления копии святыни. Но есть в России и целый гвоздь Господень. В свое время несколько гвоздей Господних обрела царица Елена на горе Голгофе. Ее сын, император Константин подарил один из них грузинскому царю Мириану, принявшему святое крещение. Святыня хранится в Патриаршем соборе Успения Пресвятой Богородицы в Кремле. В 1688 г. гвоздь был привезен эмигрировавшим в Россию грузинским царем Арчилем. Обосновавшись в селе Всесвятском, близ Москвы, Арчил начал активную культурную деятельность. Так возникло первое грузинское поселение в Москве. По инициативе Арчила была создана грузинская типография, где в 1705 г. была издана первая книга «Давитни» - Книга Псалмов Давида.

История Иверской иконы начинается с первого века, когда апостол и евангелист Лука по благословлению Божией Матери написал живописными средствами Ее Божественный образ, и Она сказала: «Отныне ублажат Мя все роды. Благодать и сила рождаемого от меня моя с вами да будет».

Дальнейшая судьба этого образа просматривается с 9 века, времени иконоборческих гонений в Византии, когда по повелению императора почитателей икон оскорбляли, подвергали пыткам, убивали, а сами иконы повсюду разыскивали, выкидывали из храмов и домов, рубили на куски, сжигали. Чтобы сберечь святыни от поругания и уничтожения, благочестивые люди прятали их, опускали в воды рек, морей, вручая их судьбу Воле Божией. Так случилось и с Иверским образом, который, будучи спущен на воду, не упал, а встал вертикально, ликом к берегу, и заскользил по волнам. Принять к себе икону суждено было Иверскому монастырю, который был основан на стыке 9-10 веков на Афонской горе благочестивым грузинским полководцем Торником. Однажды, в огненном столпе, к Святой Афонской горе приплывает по морю икона Божией Матери и становится достоянием Иверской обители. Реки чудес источаются от этой иконы,

получившей именование Иверской. Они записаны в летописях Иверской обители и других святогорских монастырей.

По почину знаменитого патриарха Никона, на одном из островов Валдайского озера был основан мужской монастырь наподобие Иверского Афонского монастыря и по его же инициативе, в 1646 г. была написана точная копия чудотворной иконы иконописцем монахом Иамвлихом Романовым, который смешивал краски со святою водою и со святыми мощами.

За все время существования в России ни от одной из чтимых икон Божией Матери не было столько чудесных исцелений, сколько совершалось их от Иверской иконы. Она всегда стояла на страже как скорая помощница людям в бедах, напастях и болезнях. И сегодня великая благодать изливается от чудотворных списков Иверской иконы. Каждый, кто приходит к ним с верою и надеждою, получает помощь и исцеление.

В 1654 г. во время моровой язвы икона была принесена в Москву, и молившиеся пред ней избегали смертоносной язвы. В 1658 г. по благоволению патриарха Никона было установлено ежегодное празднование Грузинской иконы Божией Матери.

Можно было бы привести еще множество примеров благоговейного почитания наших общих святынь. Например, московские прихожанки глубоко чтят святую икону преподобного Давида Гареджийского, одну из главных святынь Храма во имя Святой Живоначальной Троицы на Грязях, из-за особой благодати помогать женщинам в их недугах. В храме систематически совершается молебен с водосвятием преподобному Давиду Гареджийскому.

Вместе с тем, на протяжении веков в отношениях между двумя государствами были трудные и сложные периоды. Именно поэтому я решил напомнить читателям «Русского клуба», моим соотечественникам, землякам и благочестивым единоверным соседям об общих ценностях, общих святынях, и привести слова из древнегрузинской Оды любви «Цутисопели асеа...» («Круговорот жизни»): Все, спаленное враждою, Спасено людскою любовью. А Христос – это любовь.

Архимандрит ЕЛИСЕЙ (Церетели)

▲ Николай Тихонов и грузинские писатели: Симон Чиковани, Александр Кутатели, Сандро Шаншиашвили, Ило Мосашвили, Тициан Табидзе с женами. Тифлис. 1934 (публикуется впервые)

ДЛЯ КРЕПОСТИ СОЮЗА МУЗ

Думаю, не будет преувеличением, если выскажу предположение, что в свое время в популяризации грузинской поэзии, и, в частности, - представлении ее русскому читателю Николо Мицишвили сыграл не малую роль – еще в 1921 году вышел в свет сборник «Поэты Грузии», составителем и редактором которого был он. В сборник вошли 38 стихотворений 17 поэтов. «Вышла в свет на русском языке книга стихов – «Поэты Грузии». Переводы О.Мандельштама, В.Гаприндашвили, Н.Бобырева, Татьяны Вечорки, Тристана Мачабели и др. Книгу составил Н.Мицишвили», - писала газета «Фигаро» 6 февраля 1922 года. «В зале консерватории на текущей неделе состоится вечер поэтов. Предметом обсуждения будет недавно вышедшая на русском языке книга «Поэты Грузии» и состоится диспут. В нем примут участие русские и грузинские поэты» (газета «Баррикады». Тф. 1921, 1 февраля).

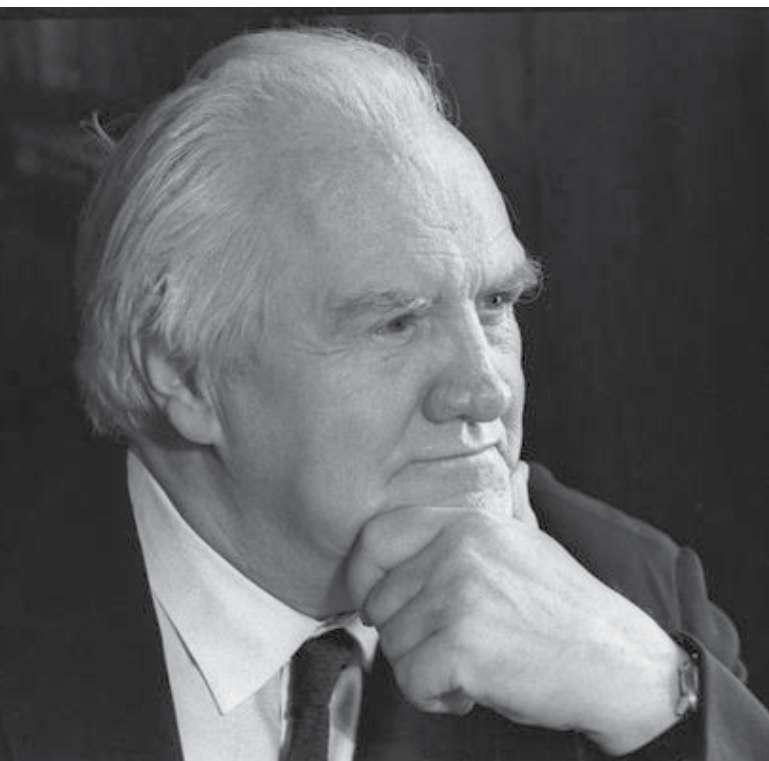
Книге предпослано краткое предисловие редактора. В нем, в частности, указывается, что «второе издание «Поэтов Грузии» пополнит все пробелы этой книги, яв-

ляющейся первой попыткой ознакомления русских поэтов и русской читающей публики с новой грузинской поэзией».

Выполнить обещание Мицишвили удалось только в 1935 году, когда увидел свет второй сборник «Поэты Грузии». «В издательстве «Загиз» под редакцией и с предисловием поэта Николо Мицишвили вышел сборник стихотворений двадцати современных грузинских поэтов, в переводах Б.Пастернака и Н.Тихонова» (газета «На рубеже Востока». Тф. 1935, 12 декабря).

В сборник вошли 82 стихотворения 20 грузинских поэтов, 31 – в переводе Пастернака и 51(!) – Тихонова. В довольно пространном предисловии Н.Мицишвили говорится: «В ближайшем будущем Закавказский Госиздат намечает выпуск более расширенного издания сборника «Поэты Грузии» и, нужно полагать, что в этом случае и поэты Пастернак и Тихонов найдут возможность пополнить начатый ими большой труд.

Благодаря усилиям этих поэтов грузинское поэтическое слово становится достоянием многомиллионной

▲ Николай Тихонов

массы советских читателей, говорящих на языке Ленина и Пушкина и без преувеличения можно сказать, что труд, выполненный этими двумя выдающимися поэтами так же связал их имена с грузинской поэзией, как с поэзией Армении связано имя Валерия Брюсова».

Следует указать, что этот сборник в значительной мере явился результатом плодотворного сотрудничества грузинских поэтов и издателей с созданной в 1933 году по инициативе М.Горького бригадой оргкомитета Первого всесоюзного съезда советских писателей, в состав которой входили: Петр Павленко, Юрий Тынянов, Ольга Форш, Виктор Гольцев и поэты – Борис Пастернак и Николай Тихонов (журнал «Литературная Грузия», 1984, №7).

Такое творческое сотрудничество, очевидно, способствовало духовному сближению участников этой совместной работы. Тому пример чудом сохранившаяся у нас почтовая карточка с портретом Ольги Форш, с надписью: «Дарю Николо Мицишвили для крепости союза муз – грузинской и российской». Естественно предположить, что эта работа взаимно обогащала их и приносила не просто удовлетворение за исполненный долг, но, очевидно, и радость. Вот, например, что сказал Б.Пастернак на первом всесоюзном съезде переводчиков 4 января 1936 года: «Я оставил бы у вас какой-то след недоумения, если бы я не сказал того, что эта работа меня и Тихонова осчастливила».

Тесные творческие связи русских и грузинских поэтов, между многими из них переросшие затем в дружбу, создавали предпосылки того, чтобы начатая работа не прекращалась и, в самом деле, в 1936 году в Москве был издан третий сборник стихотворений грузинских поэтов под редакцией Виктора Гольцева. Он насчитывает около двухсот страниц и в нем представлены произведения 16 поэтов, с краткими их биографиями. Материал для сборника (около 100 стихотворений 30 поэтов!) был собран и переслан Гольцеву Н.Мицишвили. Можно предположить, что это был итог слаженности работы Мицишвили и Гольцева, в немалой степени обусловленной их взаимным уважением – «Дорогому Николо

Мицишвили, которого я люблю и уважаю искренно, на память о наших встречах в Москве и Тифлисе. Виктор Гольцев. 16.IV.36». Это – дарственная надпись на книге Важа Пшавела «Поэмы», вышедшей в 1935 году под редакцией В.Гольцева и чудом уцелевшей во время пожара нашей семьи в 1937 году.

Возможно будет небезынтересно привести отрывки из писем Н.Мицишвили В.Гольцеву:

- «Что касается поэзии, решил предоставить Вам более широкий выбор – заказал Гаприндашвили подготовить подстрочник в объеме 5000 строк. Кроме того, Бриком, Чернявским и самим Гаприндашвили переведены более 3000 строк; особо следует выделить переводы Пастернака, который уже перевел стихотворения П.Яшвили, Т.Табидзе, С.Чиковани, И.Абашидзе, К.Надирадзе, Г.Леонидзе, В.Гаприндашвили, А.Кутатели. Как видно, материал в избытке, нужно лишь, чтобы оставшийся объем был распределен между московскими поэтами, особенно следует иметь в виду Н.С. Тихонова».

- Издательство интересуется – чем заняты Б.Пастернак и Н.Тихонов. Свяжитесь с Тихоновым – пусть он сообщит о своих успехах. Б.Пастернак пусть подытожит свои строки (объем перевода – *И.М.*) с Важа Пшавела и без него».

Чем же были заняты русские поэты? На этот вопрос хоть частично, но все же проливает свет отрывок из письма Н. Тихонова, адресованного Н.Мицишвили:

«Очень прошу Вас ускорить высылку стихов для антологии. Работа эта очень трудная и ответственная и требует большого внимания и времени. Мне хочется к съезду хоть часть ее закончить.

Тифлис я вспоминаю очень часто и по-хорошему. Думаю, что все старые друзья встретятся летом в этом чудесном городе с новыми своими достижениями.

Я имею сведения, что у Пастернака очень хорошо обстоит дело с переводами – а это конечно замечательно для антологии.

Только шлите нам переводы, милый Мицишвили, хорошие, проверенные, четкие – за нами дело не станет.

Привет всем тифлисским друзьям самый искренний».

Относительно духовной близости русских поэтов, особенно Пастернака, с грузинскими поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Георгием Леонидзе и другими, сказано и написано много восторженного и хвалебного. Предпосылкой таких отношений служили, не в последнюю очередь, личностные качества грузинских коллег, однако мне кажется, что этому сближению не суждено было бы состояться, если бы русские мастера пера не нашли в них истоки духовности и не соприкоснулись с корнями грузинской культуры, которые олицетворялись в поэзии. Вот как высказался об этом Б.Пастернак – непререкаемый ценитель поэзии и сам волшебник этого жанра литературы: «Думаю, что-нибудь мы дали вам и тем, которые пойдут по вашим стопам. Пусть плохо, но мы познакомили публику с изумительной, огромной поэзией».

В качестве еще одного из примеров неустанного стремления популяризации грузинской литературы позволю себе сослаться на известную русскую писательницу Анну Антоновскую, которой Н.Мицишвили оказывал всяческую помощь при работе над книгой «Великий моурави» про Георгия Саакадзе, заслужившей широкую известность. Вот отрывок из ее письма от 28 ноября 1966 года жене Н.Мицишвили: «... Надеюсь, что Ваше и мое огорчение будет рассеяно, когда выйдет моя книга «Признание», где я вспоминаю Нико Мицишвили не только как редактора, содействовавшего выходу перво-

▲ Ольга Форш

го тома моего романа, но и как глубоко симпатичного мне человека и писателя».

Я уже писал («Письмо, не доставленное адресату». «Русский клуб», №5, 2008, стр. 40) о том, при каких обстоятельствах восстановилась прерванная на двадцать с лишним лет связь нашей семьи с Борисом Пастернаком. Восстановилась она и с Николаем Тихоновым, но в несколько иных условиях.

Моя сестра – Марина Мицишвили – специально поехала в Москву попытаться ускорить процесс реабилитации родителей (наш отец – Николай Мицишвили – был расстрелян в 1937 году, а мать – Тамара Багратиони, как жена «изменника родины», отбыла 8-летний срок заключения в лагерях ГУЛАГа). За почти двухмесячное пребывание в Москве сестре ничего не удалось добиться, так как настала пора массовых реабилитаций и пробиться к кому-либо из должностных лиц не было никакой возможности. У сестры не оставалось ни времени, ни материальных возможностей и, потеряв всякую надежду, она решила пойти на отчаянный шаг – добиться приема у Тихонова. Он тогда занимал очень высокую номенклатурную должность – был председателем Советского комитета мира – и, естественно, к нему попасть было не очень-то просто – следовало записаться в очередь

и ждать, ждать – неизвестно как долго. В конце отчаявшись, сестра взмолилась сообщить ему только фамилию. Результат был мгновенный – ее тотчас же допустили к нему. Николай Семенович принял ее очень тепло, высказав большое уважение к памяти отца. Когда узнал причину нахождения сестры в Москве, незамедлительно велел составить ходатайство перед соответствующими органами. Вручив сестре этот документ, Тихонов велел без стеснения обращаться к нему в случае необходимости и очень тепло с ней расстался. Его письмо оказалось магическое действие – бюрократическая машина раскрутилась сразу же и через месяц мы получили документы по реабилитации родителей.

После такого счастливого конца мне вроде нечего добавить к сказанному, однако главное, о чем я хочу сказать, начинается именно с этого – с тех пор не было ни одного официального праздника – 1 января, 8 марта, 1 мая и 7 ноября, чтобы на имя матери от него не поступила бы поздравительная открытка. Их у нас набралось целых 37! Но удивительно не то, что среди них не найти двух идентичных текстов, а то, что ни одна из них не была факсимильной – каждая была написана его рукой и даже на конвертах адрес он наносил собственноручно! Для меня до сих пор остается загадкой – как удавалось человеку, столь загруженному государственным ранга заботами, выкраивать время для поздравительных писем, а ведь таких ему приходилось отправлять регулярно, наверное, не один десяток!

И все же, думаю, загадка может быть решена и решение, наверное, состоит, во-первых, в интеллигентности, благородстве, чувстве ответственности и долга, присущих людям их поколения, и, во-вторых, в негасимом огне, навеки зажженном в сердцах русских коллег грузинскими поэтами.

Когда после реабилитации появилась возможность издать сборник избранных произведений Н.Мицишвили, мать попросила Николая Семеновича принять посильное участие в составлении сборника. Вот его ответ:

4 марта 1960 г.

Дорогая Тамара!

Приветствую Вас сердечно! Посылаю Вам 2 стихотворения нашего друга Мицишвили – «Письмо Серго Орджоникидзе из Имеретии» и «Настроение». Как получилось – не мне судить. Они написаны в давно прошедшие годы и трудно возвращаться к этим темам сегодня. И переводить не так легко.

Но вспомнив нашего поэта, я вспомнил и мои ранние переводы, которые вошли в первую книгу переводов грузинских поэтов, сделанную русскими поэтами...

Приношу искренние извинения за большую задержку, но я никак не мог раньше закончить работу. Множество самых срочных дел меня одолевало.

Спасибо Вам большое за память. Книга о Мцхетской древности – это сокровище и удивление! Я очень соскучился по Тбилиси и думаю, что в этом году все же увижу его, поброжу по его улицам...

Большой Вам сердечный привет – всему семейству от Марии Константиновны и меня.

Напишите, как нашли переводы.

Ваш Николай Тихонов

Мне кажется, что сумею остаться Человеком, - достигнув больших высот – удел немногих. Николай Семенович Тихонов был достойным обладателем этого редчайшего дара.

Спасибо ему за это!

Иламаз МИЦИШВИЛИ

Привожу еще несколько писем Н.Тихонова нашей семье:

Декабрь, 1965 г.

Дорогую Тамару Константиновну и Марину сердечно поздравляю с Новым Годом, который должен быть мирным и счастливым, потому, что это год великого поэта Шота Руставели – год радости, дружбы и любви к прекрасному!

Лучшие пожелания.

Н.Тихонов

Май, 1970 г.

Дорогих друзей – Тамару Константиновну и Мариночку от всего сердца поздравляю и с победой Весны и с победой Весны Народов – с 9 мая – Днем нашего Всемирноисторического триумфа над фашизмом!

Желаю Вам всего самого лучшего, что есть на майском свете!

Большое спасибо за добрые слова в связи с моей премией! Большое спасибо за прекрасный труд Марины Николаевны: «Поливная керамика в древней Грузии». Слава молодому сердцу ученого! Молодец, Мариночка! С любовью и (два слова трудно разобрать – И.М.)

Н.Тихонов

Май, 1972 г.

Дорогие друзья – Тамара Константиновна и Мариночка!

Каждая весна несет что-то свое – пусть в этом празднике Весны будет для Вас радость, здоровье, приток бодрости!

Всю жизнь вас сопровождала красота! Пусть она будет и сегодня Вашей подругой и спутницей!

Я Вас всегда помню и среди стихов и среди прозы жизни! Будьте благополучны!

Ваш Николай Тихонов

Май, 1973 г.

С Новой Весной, с 1 мая – дорогие Тамара Константиновна и Мариночка!

Старый поэт, влюбленный с юности в Грузию, от души желает Вам всего хорошего в этот сказочный период года, когда рядом с нами чудеса и так хорошо вспоминать милых друзей – красивых и добрых людей!

С глубоким уважением

Николай Тихонов

Март, 1978 г.

Дорогих друзей – Тамару Константиновну и Марину Николаевну сердечно поздравляю с праздником 8-го Марта, с днем торжества Женской Прелести и Мудрости!!

Желаю всех радостей жизни, успехов во всех добрых начинаниях, здоровья, бодрости, счастья и благополучия!

Сердечно – Николай Тихонов

Апрель, 1978 г.

Дорогих друзей – Тамару Константиновну и Марину Николаевну сердечно поздравляю с Новым 1 Маем!

Желаю бодрости и много солнечных дней жизни. Представляю как чудесно в майском Тбилиси, - пусть все доброе подарит Вам Новый Май, пусть исполнит все Ваши желания и Вам будет хорошо на вечно новой родной земле!

Сердечно – Николай Тихонов

Публикация **Иламаз МИЦИШВИЛИ**
Публикуется впервые

«МНЕ СТРАШНО В ЖИЗНИ ГРУЗИИ ЛИШИТЬСЯ»

Дорогой Зураб,

Покажи это стихотворение нашим общим друзьям из грузинской церкви. Я думаю, что они правильно это поймут – я думаю, что церковь должна играть роль главного примирителя, когда амбиции политиков мешают им договориться. Религия как медицина души должна играть всеспасительную роль, а если бы все религии бы об этом договорились, то и войн бы не было. Я был идеалистом и останусь таким, потому что защищать именно общечеловеческие идеалы, а не насильственные идеологии, когда шаг вправо, шаг влево, а уж вперед тем более считается почему-то антипатриотизмом именно теми людьми, кто столько вреда приносит тупой упертостью прежде всего своим нациям, а заодно и всем остальным нациям.

Евгений Евтушенко

Дорогой Евгений Александрович,

Есть мнение Ваше стихотворение опубликовать в ближайшем номере русскоязычного грузинского журнала «Русский клуб». Это симпатичное издание с хорошим тиражом (по грузинским меркам) рассылают многим учреждениям и отдельным деятелям. Главная тема журнала – русско-грузинские культурные и исторические связи. Насколько мне известно, журнал читают и в Москве (www.russianclub.ge). Как Ваше мнение?

Как Вы хотите, чтобы в примечании упомянули Бориса Гасса? Обнимаю,

Зураб Абашидзе

Журналист и литератор Борис Гасс сотрудничал с журналом «Литературная Грузия», был сердечным другом и Беллы, и Булата, и Андрея, и многих грузинских литераторов, переводил их на русский. Уже давным-давно переехал в Израиль и сейчас ему исполняется 80 лет, он подготовил книжечку воспоминаний о наших встречах и издает ее в одном из тамошних издательств. Не забывает ни русского, ни грузинского, а вот ивриту его обучают его собственные дети, хотя они тоже русского и грузинского не забывают.

ПИСЬМО БОРЕ ГАССУ

Когда уехал Боря Гасс в Израиль,
никто не плюнул мстительно вослед,
никто его презреньем не изранил –
ему такой отгрохали банкет!

Собою оставайся, Сакартвело!
Собою оставайся, Боря Гасс!
Ничья душа еще не помертвела,
пока он сам душою не погас.

Взошло шестидесятников созвездье
над угасающим СССР
и показалось будущего вестью,
но, к сожаленью, общий фон был сер.

Все радостно спешили начитаться,
но разве изменить все вдруг могли
Булат, и Белла, и Отар Чиладзе –
звездинки над огромностью земли?

И мне сказал Маргвелашвили Гия:
«Власть слова – это будущего власть,
и поколенья вырастут другие
не из кого-то – все-таки из вас!»

Антигрузинство или антирусскость
постыдны – в этом будущего нет,
и присоединиться к злобе – трусость,
и тот, кто пал до злобы – не поэт.

Мне страшно в жизни Грузии лишиться.
Я буду помнить до скончанья дней
ее посла – Зураба Абашидзе
на похоронах матери моей.

Тбилиси – рядом, да вот не добраться.
Вчера Котэ приснился мне во сне.
Во мне еще живут Ладо, Думбадзе,
и все могилы Грузии во мне.

Все виноваты мы. Нам всем наука.
Лишь христианство и спасет нам честь.
Неужто мы оставим нашим внукам
единственным наследством только месть?

Евгений ЕВТУШЕНКО

16 июня 2012

ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ

Борис Добродеев

28 апреля телеканал «Культура» отметил юбилейную дату – 85 лет со дня рождения – замечательного сценариста Бориса Тихоновича Добродеева показом фильма «Сказки венского леса», снятого по его сценарию. Перу Б.Добродеева принадлежат сценарии нескольких десятков документальных и игровых кинолент, таких как «Красный дипломат», «Особо важное задание», «Софья Ковалевская», «Карл Маркс. Молодые годы», «Раскол», «Жизнь Бетховена», «Друг Горького – Андреева», «Илья Эренбург» и многие другие. В 2010 году в Москве, в издательстве «Прозаик», вышла в свет его книга «Было – не было», где он пишет: «Человеческая память утрачивает многое безвозвратно. Я никогда не вел дневников, записи в которых, как старые фотографии, могли бы многое воскресить. Приходится полагаться на то, что удержалось в сознании». Много места в книге отведено теплым воспоминаниям о Грузии, в частности, о Тбилиси, где Борис Тихонович провел все детство.

ГРУЗИЯ

После наших блужданий по России, после Воронежа, Новочеркасска, Армавира мы, наконец, прочно и надолго осели в Тифлисе, где и прошли мои детские и отроческие годы. Потому этот город в общем-то и является мне родным.

И опять «лента» воспоминаний раскручивается назад, и я припоминаю многое из пережитого там в 1930-е и 1940-е годы. Одни события встают перед глазами отчетливо, другие – смутно...

Явственно вижу, как поздним вечером я стою на открытой веранде дома, где мы поселились, объятый любо-

пытством. Внизу, по Вокзальной улице, что берет начало от городского вокзала, движется огромная, многотысячная толпа с факелами. Впереди несметное количество венков и гроб, который, как это принято в Грузии, несут, так высоко поднимая ту его часть, где голова покойника, что кажется, будто он вот-вот вывалится. Недалеко от нас, на углу Плехановского проспекта – там, где расположено было здание киностудии «Госкинопром», похожее на сванские башни – процессия останавливается. Гроб ставят на постамент. Звучат траурные речи. А потом факельное шествие движется дальше.

▲ Бабушка Александра Добродеева с семьей

Я слышу, как соседки сочувственно переговариваются между собой: «Бедный Котэ завещал похоронить себя на родине... Живой сюда не вернулся...»

Кто такой этой бедный Котэ, я тогда и понятия не имел, но знал, что покойного привезли издалека, из России. Это был знаменитый театральный режиссер Константин Марджанов, он же Марджанишвили.

...Вагончик тифлиского фуникулера медленно ползет в гору, по почти отвесному обрывистому склону. И чем выше он поднимается, тем больше, шире становится панорама обзора. Я впервые вижу таким наш Тифлис. Он чарующе прекрасен. Кура стремительно несет свои мутные волны через весь город, разделяя его на две половины. Все отчетливее виден утопающий в зелени, по-европейски роскошный проспект Руставели с оперным театром, драматическим театром, носящим имя того же Руставели, филармонией... Эта часть проспекта впоследствии, когда я увижу Францию, будет мне слегка напоминать архитектуру Парижа.

От долины Куры, от ее набережных во все стороны тянутся, карабкаются в гору городские кварталы. Самые выразительные старинные дома с открытыми верандами – это те, что повисли прямо над Курой и, кажется, вот-вот готовы в нее свалиться. Отсюда они кажутся игрушечными, не больше спичечного коробка. А вдали, в голубоватой дымке величественные пики Кавказского хребта, которые, как стражи, охраняют город, задерживают, не пропускают сюда холодные ветры с севера.

Я люблю этот теплый город, хотя и не в нем родился. Но здесь родилась моя сестра и отсюда, из Грузии, мамы предки.

Ходить с мамой в Тифлисе на базар – большое развлечение. Южный базар – это буйство красок, это щедрость земли, это веселый озорной торг, настоящее представление.

По традиции Кавказа, на рынок, особенно в выходные дни, обязательно за провизией ходят мужчины, которые знают толк в национальной кухне.

Во все времена рынки Тбилиси были баснословно дорогие, и для меня так и осталась загадкой мощная покупательная способность горожан при их нищенских окладах.

Возможно, секрет этот в торговой жилке кавказцев, их торговой инициативе и изобретательности – умении

находить выход в бесконечных подпольных и полуподпольных артелях по производству ширпотреба, которые так и не смогла истребить советская власть, а также в дарах грузинской земли, особенно в дарах субтропических, которые в больших количествах и за высокую цену уходили в Россию, на север: фрукты, цитрусы, чай. Все это давало хорошие барыши не столько сельчанам, сколько перекупщикам. Но деньги крутились между городом и деревней, и надо сказать, что деревня всегда поддерживала продуктами родственников-горожан. Это была традиция. Кажется, теперь она уже не столь очевидна. Да и такой лакомый кусок, как Абхазия, отпал от Грузии.

В Грузии не принято, как у нас в России, завидовать богатым, доносить на них, ругать. Наоборот, я часто слышал там такие реплики-похвалы в адрес преуспевающих соседей или знакомых: «Молодец Зураб (или Валико, или Шота)! Умеет жить!..» Увы, бедность и богатство раскололи грузинское общество так же, как и российское.

Но я отвлекся. Итак, мы с мамой идем на базар. Самый большой рынок прямо возле Боржомской улицы. Рынок этот какое бы название ему присваивали, тбилисцы упорно звали «Дезертиркой». Говорят, в смутные времена после Первой мировой войны, при меньшевиках здесь из-под полы все можно было купить у солдат-дезертиров.

Когда мы входили на этот рынок, глаза разбегались от обилия и разнообразия продуктов.

Неугомонный шум, гвалт стоял над торговыми рядами. Продавцы-зазывалы нахваливали свой товар, безбожно коверкая русские слова.

- Пэрсый! Смотри, какой пэрсый! Сам отдэлается!
- Каму дамский палчик, каму виноград бэз косточка?
- Иды суда! Иды, пробуй! Не арбуз – сказка, мед!
- Душес! Ай, какой душес... Сам во рту тает!

Орали, зазывали и продавцы местных сыров – тушинского, имеретинского, сулгуни... Тут же, в ведрах с куска-

▼ Дедушка Якоб и бабушка Шарлотта с детьми. Тифлис. 1890-е гг.

▲ Доктор Э.Майер в кругу семьи. Тифлис. Начало 1920-х гг.

ми льда, сливочное масло – холодильников не было и в помине. Рядом в глиняных кувшинах мое любимое мацони, которое русские упорно называли простоквашей.

Хозяйки несли по несколько жирных кур, держа их за лапы, вниз головой. Они жалобно кудахтали, словно чувствуя, что обречены на заклание, что скоро станут как-нибудь сациви – излюбленным грузинским блюдом, курятиной в ароматном ореховом соусе.

Несли и разделанные тушки молочных поросят, которые тоже появятся на столе у хозяев то по радостному, то по печальному поводу – либо на свадьбе, либо на поминках. Самое большое оживление там, где на прилавке бочонки и кожаные бурдюки с винами, бутылки с грузинской водкой – чачей. Отведать их «на пробу», «продегустировать» охотников всегда хватало. А там и знакомства, споры, объятия уже захмелевших мужиков.

Кипела, бурлила «Дезертирка»!.. Весело... Но каждый наш поход сюда разорителен для нашего более чем скромного семейного бюджета. Цены «кусаются», и мама изворачивалась, как могла, чтобы у детей все же была вкусная еда и фрукты.

Однажды на «Дезертирке» со мной произошел невероятный конфуз, я так опозорился, что долго боялся там появляться, и до сих пор вспоминаю тот случай со стыдом и недоумением.

Проходя мимо торговца с орешками, я, не отдавая себе отчета в том, что делаю, вдруг рванул к прилавку, схватил горсть орехов и юркнул назад, к маме. Та онемела от неожиданности, потом, жестко взяв меня за руку, подвела к продавцу.

- Извинись сейчас же! И верни!

Сгорая от стыда, я что-то пробормotal и разжал ладонь. Орешки посыпались назад в мешок. Хозяин, пожилой грузин, оказался добродушным мужиком. Он потрепал меня по щеке.

- Ладно. Бэри, бэри, малчик! Кушай на здоровье!

Несколько дней после этого я мучился угрызениями совести и сам себе не мог объяснить, зачем я так поступил. Что за цыганский инстинкт, что за дьявол-искуситель толкнул меня к этому поступку? Но я был благодарен моей мудрой маме. Она не только не наказала меня, но

даже ни разу не припомнила мне тот позорный случай, видя, как я переживаю. Но в дальнейшем в приступах «клептомании» я, слава Богу, замечен не был.

Иногда в выходной день (тогда жили еще по календарным пятидневкам и был только один выходной день) мы всей семьей отправляемся в старую, самую экзотичную часть Тифлиса с татарским названием Майдан. Там находятся знаменитые серные бани, описанные еще Пушкиным в его «Путешествии в Арзрум» во время похода 1829 года. Придя в одну из таких старинных бань, мы разделяемся – мама с Лией идут в женское отделение, мы с папой – в мужское. Стены залов отделаны лазурной плиткой. В раздевалке и старье, и молодые, уже вкусившие радость банных процедур, бродят, как римские патриции, накинув на плечи простыни. Спрятав свою одежду в шкафчик, мы нагишом входим в один из залов для омовения – с бассейном и каменными лежаками. На одном из них распластался здоровенный мужик, весь украшенный татуировками.

Маленький юркий банщик-курд приносит наволочку, наполненную, как пузырь, мыльной пеной, сжимает ее, и вся эта гора пены обрушивается на приговоренного к банной «эзекуции». Банщик вскакивает ему на плечи и, присев, начинает съезжать пятками по спине до самых ягодич, повторяя этот своеобразный массаж раз за разом. Поездив так по спине постанывающего от удовольствия клиента, помассировав уже руками все тело, банщик обливает его горячей водой из деревянной кадки, после чего мужик с татуировкой с гиканьем плюхается в бассейн.

Мы с папой не рискуем подвергать себя таким зверским «эзекуциям» и моемся сами, принося горячую серную воду тазиками из-под крана.

Еще одно удовольствие ждет нас уже после бани. Мы заходим в магазинчик, где тут же и пекарня, и продают горячий «пури», грузинский хлеб. Иногда мы покупаем тонкий, нежный татарский лаваш, иногда изогнутый грузинский чурек. Отведать после бани и то, и другое, с маслом и сыром – просто объедение. А если мы потом

▲ Борис - 2 года

по дороге домой оказываемся на проспекте Руставели, то невозможно удержаться и не зайти напротив оперного театра в знаменитый не только на весь Тифлис, но и на весь Союз павильон «Воды Лагидзе», где по каким-то сверхсекретным рецептам талантливый дегустатор Лагидзе создавал уникальные по вкусовым качествам фруктовые сиропы. До самых последних лет, наезжая в Тбилиси, я, как и в детстве, не мог не зайти отведать этот божественный напиток.

Любимое место отдыха горожан, особенно в знойную пору, был парк «Муштаид», что почти на берегу Куры. В парке этом росли самые экзотические деревья и растения и самые необыкновенные цветы. Их запахи, смешиваясь, создавали неповторимый аромат в тенистых аллеях. По вечерам здесь играл оркестр.

В «Муштаид» всегда тянулись и старые, и молодые.

Но нас, ребят, в этот парк больше всего манила построенная здесь в середине 1930-х годов «настоящая» маленькая Детская железная дорога (ДЖД). Ее патронировал лично «железный нарком», народный комиссар путей сообщения СССР Лазарь Моисеевич Каганович.

Через территорию парка, через зеленую чащу проложили узкоколейку, которая огибала «Муштаид» кольцом. На узкоколейке были три станции-платформы и два маленьких состава, которые, встречаясь на разъезде, салютовали друг другу пронзительными гудками. Каждый поезд состоял из нескольких вагончиков – и открытых, и закрытых «люкс». Их тащили потешные паровозики, выкрашенные в яркие цвета. Здесь все было «настоящему»: пассажиры – дети с родителями или одни ребята, пионер-контролер, который, стуча компостером,

проверял билеты и пропускал едущих на платформу. У вагонов стояли пионеры-проводники в форме путейцев. Дежурный по станции ударял в колокол и, подняв флажок, давал сигнал к отправлению поезда. Состав трогался в путь, громыхая на стыках рельс, оглашая окрестности задорными пронзительными гудками.

Совершив на этом чудесном поезде поездку по кругу, я умолял родителей снова купить мне билет, чтобы проехаться еще разок...

Игра игрой, а ведь многие ребята с ДЖД так увлеклись своими профессиями, что поступили в Тбилисский институт транспорта и стали железнодорожниками.

Когда я учился в пятом классе 44-й средней школы, наш старший пионервожатый (были такая должность) Жора, большой пройдоха, как-то объявил: «Завтра мы идем всем отрядом к знаменитому герою гражданской войны, командующему Закавказским военным округом Ивану Васильевичу Тюленеву».

Мы не верили своим ушам – к самому Тю-ле-не-ву?! Тому, что командовал одной из бригад в легендарной Первой конармии под командованием Ворошилова и Буденного?.. Мы прыгали от радости, хором кричали «ура!» А я гордился тем, что знал об этих героях больше других. Папа как-то принес и подарил мне роскошно изданный номер журнала «Огонек», посвященный 20-летию Первой конной, с множеством увлекательных очерков о героических конармейцах таких, как будущий маршал Семен Тимошенко и погибший в гражданскую серб Олеко Дундич. И, конечно, о подвигах комбата Ивана Тюленева. До сих пор помню этот юбилейный номер журнала в алой глянцево-обложке.

Пройдет много лет, прежде чем развеются многие иллюзии по поводу чистоты подвигов Первой конной.

...Не знаю, как уж удалось это нашему вожатому Жоре, но вот мы сидим в штабе Закавказского округа за длинным столом заседаний, покрытым зеленым сукном, в кабинете командующего, командарма 2-го ранга Тюленева. Он благодушно оглядывает нас, смеется. Потом кто-то из ребят, подняв руку в пионерском приветствии, рапортует ему, докладывая о неслыханных достижениях нашего пятого «А» в учебе, физической подготовке и общественной деятельности. И просит товарища Тюленева стать нашим шефом. Получив согласие, наш посланец (это Ира Геворкова) дрожащими от волнения пальцами повязывает полководцу на шею красный пионерский галстук и прикалывает на лацкан металлический значок.

Тут появляются молоденькие официантки с подносами, и перед каждым из нас на столе оказывается тарелочка с большим куском роскошного торта, который мы дружно съедаем, запивая лимонадом. Вот это праздник! Когда несколько лет спустя началась война, Тюленев так и продолжал командовать войсками Закавказского округа, который во время боев на Северном Кавказе и под Орджоникидзе (Владикавказом) был временно переименован в Закавказский фронт. Однако почти все герои гражданской войны, такие лихие кавалеристы, как Ворошилов, Буденный, Тимошенко да и Тюленев, показали в Отечественную свою полную неспособность руководить военными операциями. Тюленев, дослужившись до звания генерала армии и чуть недотянув до маршала, доживал в почете свой век в Москве, в правительственном доме на улице Грановского.

В те же довоенные годы я совершенно случайно совершил нечто наподобие экскурсии в свое будущее.

В школе преподавателем физкультуры, нашим физруком был седовласый аристократичный красавец Заал Иванович с осанкой благородного грузинского князя. Он почему-то ходил в военной шинели, гимнастерке, галифе

и сапогах, почти как товарищ Сталин.

Он и повел наш класс на экскурсию на киностудию «Госкинопром» Грузии (в будущем студия «Грузия-фильм»), которая находилась буквально в двух шагах от нашей школы. Заала Ивановича там все хорошо знали, говорят, он не раз снимался в массовках, изображая импозантных грузинских аристократов, и поэтому ему без труда разрешили пройти с нами по территории киностудии.

Подходя к одному из павильонов, Заал Иванович предупредительно приложил палец к губам, и мы всей ватагой на цыпочках вошли вовнутрь.

В павильоне шла съемка. Мы увидели декорацию, изображающую деревенский дом, по типу постройки характерный для Западной Грузии, с большим балконом и на высоком фундаменте. На это жилище откуда-то сверху были направлены лучи прожекторов.

- Внимание! - раздался чей-то громкий голос. - Мотор! Начали!

Какая-то девица, вырвавшись на момент вперед, щелкнула хлопушкой перед самой кинокамерой и визгливо выкрикнула: «Дубль три!»

Камера застрекотала, и тут же из дома-декорации выбежали на веранду пожилые женщины в крестьянской одежде и запричитали, схватившись за голову: «Вайме, швило! Вайме!...» («Ой, горе мне, сынок, ой, горе!...»)

В дверях появились два свирепых жандарма. Они вели упирающегося, окровавленного парня в разорванной рубашке.

Женщина бросилась к нему, но жандармы ее грубо оттолкнули и увели арестованного куда-то за дом.

Мать, причитая, упала на крыльцо.

- Стоп! - крикнул тот же повелительный голос. - На сегодня все...

Мы были разочарованы. Ожидали увидеть нечто необыкновенное, а увидели с гулькин нос...

Заал Иванович еще поводил нас по студии. Мы зашли в гримерную, где перед зеркалом сидел очень популярный в те годы артист Спартак Багашвили, игравший в фильме «Арсен». Он нам подмигнул по-свойски. Затем нам показали монтажную комнату, где склеивали кусочки пленки, и объяснили, что в этой комнате, собственно, и рождается фильм.

Так я впервые попал на киностудию, не мысля, не гадая, что кинематограф станет моей жизнью.

Хотя, как все мои сверстники да и большинство взрослых, я был с детства большой киноман, старался непременно увидеть каждый выходящий на экран фильм. В школе только и было разговоров о новинках экрана – кинолентах «Чапаев». «Цорс», «Мы из Крон-

штадта», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», «Депутат Балтики», а еще о «Веселых ребятах», «Цирке», «Волге-Волге», «Музыкальной истории», фильме «Антон Иванович сердится»...

По своей тогдашней киноэрудиции я вполне мог рассчитывать стать киноведем.

Сын одного бывшего папиного сослуживца был киномехаником, крутил фильмы в кинотеатре «Аполло» (переименованный впоследствии в «Октябрь») и еще, по совместительству, в Тбилисском артиллерийском училище, где был большой просмотровый зал. Иногда он брал меня с собой посмотреть что-нибудь новенькое. Я залезал к нему в будку киномеханика, где немисливо громко стрекотал проекционный аппарат, и через отверстие, откуда устремлялся луч на экран, смотрел фильм.

Когда перебираю в памяти свои детско-юношеские кинопечатления, то на особое место в моем тогдашнем восприятии я ставлю «Чапаева», «Огни большого города» и волшебный «Большой вальс».

Мама очень любила кино, но, по-моему, еще больше – театр. И всегда ухитрялась из нашего тощего семейного бюджета выкраивать деньги на посещение Тбилисского театра оперы и балета имени З.П. Палиашвили и Русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, которые в довоенное время обладали сильными артистическими труппами. Не случайно из тбилисской оперы многих старались перетянуть в Москву таких певцов, как Давид Гамрекели, Зураб Анджапаридзе и других. В грибоедовском театре блистал актер Михаил Брагин, после войны перешедший в московский Театр имени Ленинского комсомола.

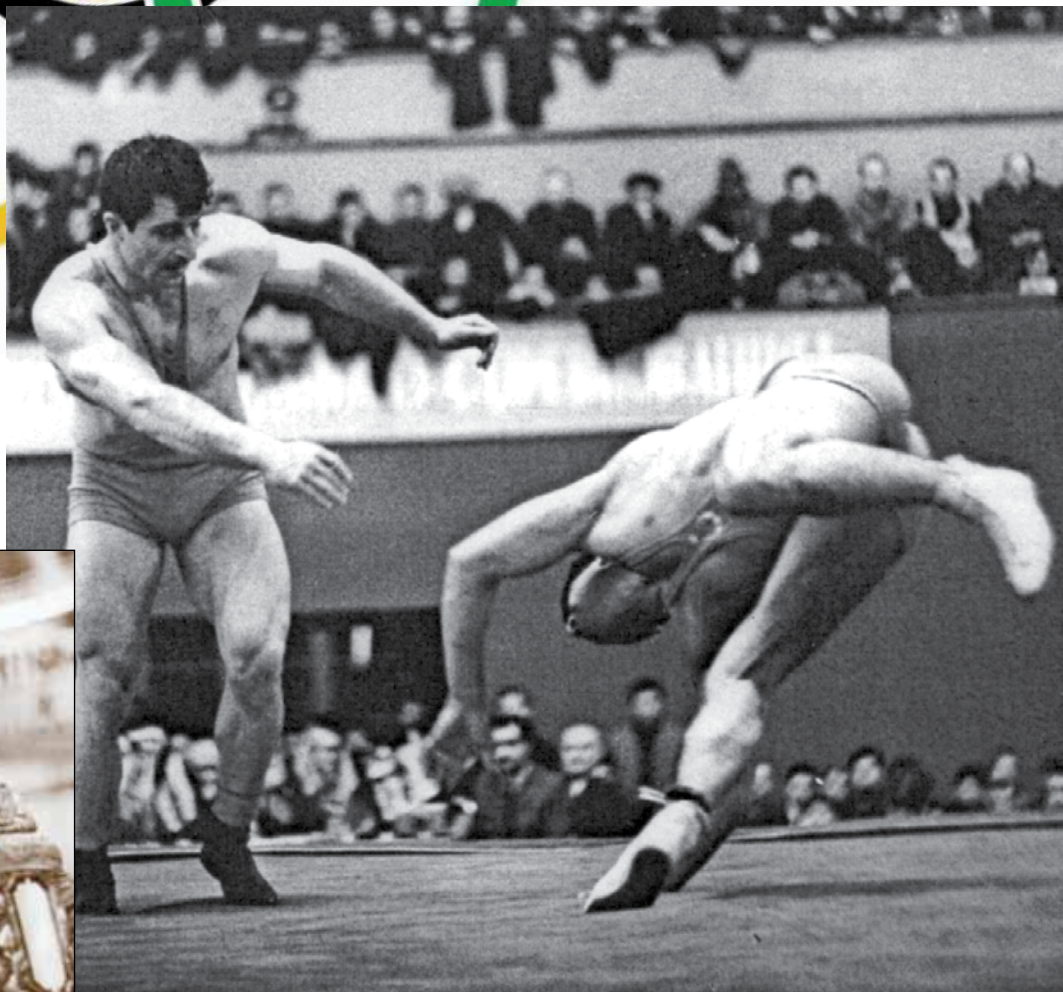
Тбилиси всегда был и, надеюсь, останется очень театральным городом.

Поэтому сюда всегда стремились на гастроли лучшие артистические коллективы из Москвы и Ленинграда. Даже в войну. Никогда не забуду, как в 1942 или 1943 году я увидел в зале филармонии концертное выступление легендарных мхатовцев: Качалова, Леонидова, Хмелева.

В эти же годы я впервые попал на симфонический концерт в здании филармонии. Дирижировал один из выдающихся дирижеров того времени Александр Гаук.

Удивительно, как даже в тяжелое военное время, несмотря на голодуху, холод, затемнение в городах, мы так тянулись к духовной жизни. Это было как бы наперекор всему, наперекор торжествовавшей на необъятных просторах страны смерти.

Борис ДОБРОДЕЕВ
(Окончание следует)

▲ Шота Ломидзе

Долго я отказывался поверить, что Шота Ломидзе был девятым на Олимпийских играх-64 в Токио. И другие не понимали, даже знающие борьбу не понаслышке. Что-то там в Японии было не так.

А вот как было. Жребий в среднем весе у борцов вольного стиля сыграл с Ломидзе злую шутку: дал в первом круге соперником чемпиона мира Продана Гарджева.

Шота не оробел, первым взял выигрышное очко, но болгарин перехватил инициативу, и схватка закончилась вничью. Гарджеву она показалась хорошим знаком – ничья с одним из фаворитов открывала ему путь к успеху.

Ломидзе победил по баллам швейцарца Макса Кобелта (Это была крупная неудача, его следовало класть на лопатки и продолжать борьбу за медали, без груза лишних штрафных очков.) и вышел на чемпиона Римской олимпиады Хасана Гюнгера.

Болгарский атлет был свободен в том круге, а по его результатам Ломидзе с шестью штрафными очками оказался за бортом финала.

Гюнгер перед схваткой с Ломидзе натерся маслом, и его вытирали полотенцем. До перерыва турок получил два балла и потом без стеснения убежал за ковер.

УШЕЛ

Рефери на ковре смотрит на боковых судей и дает знак: время давать второе предупреждение. Для Гюнгера оно означает поражение, и он падает за ковер, хватаясь обеими руками за голову. А что судьи? Они «забыли» дать предупреждение, и схватка заканчивается в пользу турка. Как и Олимпиада для Ломидзе – он выбыл из турнира. Но страсти не утихают. Отдохнувший Гарджев и Гюнгер, оба с пятью штрафными очками, проводят финальную схватку за звание олимпийского чемпиона. Победитель получает золото. А если ничья?

Она устраивает того, кто легче – здесь судьба явно благоволит Гарджеву. Гюнгер это понимает и во что бы то ни стало спешит выиграть, но тщетно. Болгарин несокрушим, как утес. Поединок заканчивается вничью, и 28-летнего болгарина ликующие друзья уносят после взвешивания в ранге олимпийского чемпиона.

И вот гримаса несовершенных правил: не проигравший ни одной встречи иранец Мансур Мехтизаде (через год он выиграет чемпионат мира в Манчестере, оттеснив Гарджева, который на этот раз третий) только пятый. После награждения он говорит Ломидзе: «Мы здесь, на Олимпиаде, самые сильные, а наши медали дали другим».

Обижаться Мансур Мехтизаде больше всего дол-

▲ Сборная Грузии в Крыму: Тему́р Хитаришвили, Гурам Сагарадзе, Вахтанг Балавадзе, Ростом Абашидзе, Давид Гванцеладзе, Нодар Хошавили, Роман Руура, Петр Иорданишвили (тренер). Стоят - Зарбег Бериашвили и Шота Ломидзе. Середина 60-х гг.

ПОБЕДИТЕЛЕМ

жен на себя. Привычка выигрывать по баллам на этот раз сыграла с ним злую шутку – оставила без медали. После победы над олимпийским чемпионом Гарджевым, вице-чемпионом Гюнгером, пятым призером – могучим венгром Гезой Холлоши, выигрыш по очкам у Кобелта (все тот же швейцарец!) был неслыханной роскошью. Итог катастрофический – иранский борец, не проигравший ни одной схватки, - вправе был клясть свою судьбу, считая себя неудачником.

Его с пониманием слушает наш знаменитый земляк, который пострадал в большей степени.

А кто лучше самого Ломидзе знает свою истинную силу? И он ее показывает через два года на чемпионате Европы в западногерманском городе Карлсруэ. Соревнования заканчивались 8 мая. Не могла советская сборная в Германии проигрывать командное первенство накануне Дня Победы.

Но как трудна задача! И они сообща сотворили, казалось бы, невозможное, в заключительный день. Чемпионами континента уже стали советские борцы – Айдын Ибрагимов, Елкан Тедеев, Юрий Шахмурадов, Александр Медведь.

Все с надеждой смотрят на двух грузин – судьба командной победы в их руках. Зарбег Бериашвили по-

беждает турка Ахмета Агралли.

У Ломидзе соперник не менее грозный. В Турции Ахмета Айыка, двукратного чемпиона мира и олимпийского чемпиона в Мехико, называли звездой, немеркнущей в солнечный день. Он, единственный среди зарубежных борцов, выиграл у советского «танка» - Александра Медведя.

За свою блестящую карьеру Айык проиграл только раз – здесь, в Карлсруэ, - в схватке с Шота Ломидзе. Советская сборная победила с 40 очками, на очко опередила турецкую, на третьем месте болгары с 25 очками.

Шота еще долго вспоминал благословенные уроки «Петрес дарбази» – знаменитого борцовского зала в Тбилиси, где в одном котле варились «классики» и «вольники», и оставалось только смотреть и учиться. Шота Ломидзе смотрел и учился – оба приема, обеспечивших самую важную победу на немецкой земле, он заимствовал из арсенала Гиви Картозия и Ростома Абашидзе.

Хотя если быть точным, как борец Ломидзе родился на украинской земле, в Запорожье. В этом городе металлургов проходил действительную воинскую службу. До этого он был равнодушен к борьбе, больше отли-

чился в метании диска, гранаты, толкании ядра, прилично бегал стометровку, - надо сказать, со школьных лет тренировался дома как сумасшедший, наращивал силу. Отец, Георгий Моисеевич, шутил, что его можно в трактор вставить вместо двигателя. Подал сын документы в Грузинский институт физкультуры, но что тут напишешь, не показался он высокой приемной комиссии, не увидели в крепком парне будущего чемпиона.

Идет солдат Ломидзе по городу, по украинскому Запорожью, а погода для прогулки, скажем прямо, неподходящая – мороз за тридцать градусов, для занятий по строевой подготовке вредная. Вспомнил солдат, сколько тонн тяжести поднял дома, наращивая силу. И отправился в зал тяжелой атлетики. Тренировку одну, без специальной подготовки, с трудом выдержал, от перегрузки чуть не умер на утро. А свое счастье нашел в борьбе, у первого тренера Николая Сафошина, он в отличие от тбилисских инфизкультуровцев, нашел в нем вагон силы. Солдат спит – служба идет. Но, на-

дал сильнейших полутяжеловесов мира, как мешки с мукой. В финальной схватке Шота встретился с Ларри Кристоффом, бывшем тяжеловесом, которого ничья выводила чемпионом.

Сидит Ломидзе, ждет вызова на ковер. Приходит американский тренер, предлагает деньги за ничью. Ломидзе говорит сидевшему рядом Зарбегу Бериашвили: «Хотят меня купить. Я им покажу «бизнес». Говорит американцу: «Две тысячи долларов? Дешево меня цените. Меньше чем за десять тысяч, я не согласен».

Американец уходит совещаться, возвращается радостный: «Договорились!» И Ларри Кристофф (он пятый среди тяжеловесов на Олимпиаде в Мехико) заметно повеселел.

«Я передумал, - отвечает Ломидзе, всегда ценивший шутку, - что мне деньги? Я руковожу совхозом, пять миллионов ему цена. На ничью не надейтесь».

Сказал и выиграл у Кристоффа с явным преимуществом, стал чемпионом мира.

▲ Тбилиси встречает чемпионов мира З.Бериашвили и Ш. Ломидзе

верно, Шота не только спал, стал чемпионом округа, получил в качестве поощрения 10-дневный отпуск на родину. Понравилось ему выигрывать, стал призером первенства Вооруженных Сил СССР, замелькала фамилия Ломидзе в протоколах чемпионатов Украины и Молдавии. На Спартакиаде народов СССР 1959 года он уже третий, после чемпионов страны двух Борисов – Кулаева и Гуревича.

Кто знает, остался бы, возможно, Шота Ломидзе сражаться мамлюком в борцовских поединках на чужбине. Но судьба подарила ему встречу в Москве с председателем Федерации борьбы Грузии Ираклием Сараджишвили. Не было у наших борцов лучшего руководителя, чем Ираклий Иванович. Подтверждаю это, сам я работал с этим прекрасным человеком. Сараджишвили увидел: не было в Грузии такого полутяжеловеса. Сказал просто: «Ты очень нужен Грузии». И не обманул лживыми обещаниями, одарил дружбой на всю жизнь, стоял рядом в радости и беде.

Айык запомнил урок Карлсруэ. На Олимпиаде в Мехико-68, в пятом круге, в схватке с Ломидзе его устраивала ничья. И он ее добился, аккуратно защищаясь и избегая обострения. Ломидзе – серебряный призер Игр.

Но золото высшей пробы Шота уже не упустил. Через год, на чемпионате мира в Мар-дель-Плата раски-

▲ С Василием Илуридзе и Владимиром Рубашвили

В 1970 году Шота Ломидзе проиграл киевскому борцу Владимиру Гулюткину, двукратному чемпиону мира, на чемпионате СССР и решил уйти из большого спорта.

Отметить проводы заслуженного мастера спорта, многократного чемпиона страны, победителя крупнейших борцовских турниров пришли друзья.

Но вот у калитки дачи остановилась машина, вышел из нее Василий Илуридзе, выдающийся борец и тренер. Это к нему на занятия пришел молодой Шота. «Школу» дал ему Василий Александрович Илуридзе, первый чемпион СССР по вольной борьбе (1945).

И сейчас этот смертельно больной человек, чьи дни были сочтены, сказал, как всегда, не повышая голоса: «Не может человек уйти побежденным из большого спорта. Победителем должен уйти».

В тот день Шота не прикоснулся к вину, а вечером пришел на тренировку к Илуридзе.

Он успел порадовать своего дорогого тренера, став в пятый раз чемпионом страны.

Но послушаем борца, побежденного им в решающей схватке: «Я только раз почувствовал на себе явное физическое преимущество соперника – на Спартакиаде народов СССР 1971 года. Это был Шота Ломидзе. И дело не в том, что он меня победил, а совершенно измотал физически. А ведь ему уже было 36 лет!»

Это признание молодого Ивана Ярыгина, бывшего тогда на Спартакиаде четвертым, будущего олимпийского чемпиона Мюнхена и Монреалья.

Ломидзе еще в 1969 году заменил заболевшего, казалось бы, незаменимого Александра Медведя (Лев заменил медведя!) и стал чемпионом Европы в тяжелом весе, в категории гигантов, где потеснил олимпийского чемпиона немца Вильфрида Дитриха и многократного вице-чемпиона мира болгарина Османа Дуралиева, которого он победил с запоминающимся счетом 7:0!

Спартакиаду Шота Георгиевич выиграл, победил всех соперников, но будущее для него оставалось очень неясным. Близился чемпионат мира в Софии. На сборы в Крым его пригласили, вместе с Леваном Тедиашвили, но объявить первым номером чемпиона страны и капитана сборной СССР не спешили. Пришлось объясниться с одним из тренеров, и тот проговорился: «сверху» поступило мнение послать в Софию кого-то

кому дать рекомендацию». Ломидзе встает и с угрозой говорит: «Товарищ председатель, я готов у вас на глазах поочередно бороться не только с борцами полутяжелого веса, но и с тяжеловесами во главе с их Медведем. И если кто из них сможет меня побороть, накажите меня, я готов отказаться от всех моих титулов. И если хотите, даже ничью можете записать в их актив».

Эта угроза все и решила.

Начальник сказал: «Мы со всем разберемся, подождите в приемной».

Продержали Ломидзе в приемной председателя три часа. Наконец, приглашают в кабинет. Начальник объявляет: «В Болгарию поедете вы, но с условием – вернуться с золотой медалью».

На второй день Шота в составе сборной СССР уже летел в Болгарию. В самолете узнал, что ребята вновь избрали его капитаном команды.

В Софии Ломидзе стал во второй раз чемпионом мира – могучие парни всей земли – монгол Холлогийн

▲ В кругу семьи

из молодых – Гулюткина или Ярыгина. Шота не выносит вопиющего нарушения спортивного принципа отбора сильнейших, берет курс на Москву и оказывается в приемной самого главного спортивного начальника. К нему не пускают: грудью преграждает секретарша дорогу. Но кто может остановить разъяренного льва? Шота мигом оказывается в кабинете перед светлыми очами изумленного начальника.

Дальнейшие события можно восстановить по рассказу Ломидзе.

Начальник с металлом в голосе (сказалась комсомольская закалка!) спрашивает посетителя, кто он есть и кто его приглашал. Но и это еще не все...

Распахивается дверь кабинета и входят вызванные секретаршей три молодых амбала и направляются прямо к Ломидзе. Хозяин начальственным жестом останавливает их и уже смягчившимся голосом спрашивает, кто к нему пожаловал и чем обязан. Шота представляется, подробно перечисляет свои звания и титулы, и без обиняков задает главный вопрос: почему после Спартакиады, на которой он с большим преимуществом победил всех соперников, на чемпионат мира посылаете другого.

Начальник выслушал, не прерывая этот страстный монолог, и задумался. Потом изрек: «Спартакиаду вы действительно выиграла, но тренеры вправе решать,

Баянмунх (он стал чемпионом мира в 1975 году в Минске, опередив Гулюткина), румын Енаке Панайт, венгр Йозеф Чатари, иранец Хасан Халид, немец Альфонс Хешер вынуждены были признать его превосходство.

После Болгарии пришел Ломидзе в знакомый кабинет, снял с груди золотую медаль и сказал: «Как видите, я выполнил свое обязательство, а эту медаль, в знак моей благодарности, дарю вам». Начальник повертел медаль в руках и вернул со словами: «Она тебе принадлежит по праву, а за борьбу заслуживаешь похвалы».

На прощание дал новое задание: «Готовься к Олимпиаде! И оттуда возвращайся с золотой медалью».

На Олимпийские игры-72 Ломидзе не пустили. В Мюнхен отправился Иван Ярыгин и стал олимпийским чемпионом. А среди его основных соперников, призеров Олимпиады, были все те же Баянмунх, Чатари, Панайт!.. Ломидзе всех их побеждал!

Чем не вестерн времен дикого Запада? Но все эти жизненные невзгоды рвали в клочья сердце как стая бешеных псов.

В тот злосчастный день – 20 октября 1993 года – он, любивший порядок во всем, приехал в родное имеретинское село Сакулия. Увидел заросший травой двор и взял в сильные руки косу. А его израненное сердце не выдержало...

Арсен ЕРЕМЯН

◀ Илья Чавчавадзе

Однажды Иоганнеса Брамса спросили, задумывается ли он, что будет написано на доске, которую после его смерти повесят на стене дома, где он живет. «Там будут написаны всего два слова», - отвечал с улыбкой великий композитор. «Какие же?» - «Сдается квартира»... Читатели вправе удивиться: с чего это здесь появился Брамс? Во-первых, он никогда не ходил по тбилисским мостовым, а во-вторых, прославился отнюдь не в литературе. Да и о мемориальных досках речь у нас уже шла. Все это так. Но я позволил себе вспомнить грустное пророчество Брамса, чтобы начать очередную сололакскую страницу с разговора о памяти людской.

Следуя всепоглощающей моде на англоязычные термины, поговорим о «промоушн», то есть продвижении этой памяти. Современная рекламная индустрия, по сути, не придумала особого новшества: мемориальные доски – тот же самый «пиар», составная часть promotion. Поколения, увековечившие память о своих замечательных предках, не знали всех этих современных словечек и технологий. Просто, им было ясно: если ты с детства видишь чье-то имя на доске, украшающей дом, возле которого ходишь, то оно, как минимум, врежется в память. А, глядишь, ты и заинтересуешься, что за человек носил его, расскажешь другим. Увы, новые поколения «пиарят» что угодно, но с гораздо меньшим рвением относятся к «наглядной агитации» за многих выдающихся людей прошлого. О которых, как и предсказывал Брамс, хранят теперь память лишь страницы справочников и не всегда включенные в учебные программы произведения. Да еще, конечно, стены домов, в которых жили связавшие свою судьбу с Сололаки писатели и поэты. И пусть многие из этих домов остались сегодня без мраморных свидетельств благодарности потомков, рядом с ними мы все равно вспомним строки, написанные их обитателями или посвященные им.

Ох, сколько мемориальных надписей мы читали, молодыми проходя по этим улицам! Слава богу, часть их еще сохранилась. Как эта доска на доме №7 по улице Сулхан-Саба, некогда – Фрейлинской. И примечательно вот что. Хотя на ней – имя, каждому жителю Грузии известное с

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

детства, о том, что здесь жил и работал Илья Чавчавадзе, знают, в основном, лишь сололакцы, да еще историки литературы и биографы великого писателя и поэта, мыслителя и публициста. Главные мемориальные центры человека, канонизированного Грузинской Православной Церковью как Святой Илья Праведный, - в других районах Тбилиси и страны. Но и здесь он жил, и здесь, пусть недолго – в 1888-1889 годах, но

все же была редакция его легендарной газеты «Иверия». Так что, и на этой улице мы сможем услышать его голос. Но на этот раз прислушаемся не к яркой публицистике зрелого мастера, а к не менее блестящим строфам, сложенным, когда ему не было и четверти века. Волею судьбы Илья появился на свет именно в том самом 1837-м, когда ушел Пушкин. И грузинский классик, как и Лермонтова с Тургеневым, великолепно переводил Александра Сергеевича, а его перевод «Пророка» считается образцовым.

Ну, а Петербург, где молодой грузинский князь, обучаясь в университете, встречался с двумя Николаями – Чернышевским и Добролюбовым и воспринял идеи свободолюбия, стал тем городом, который выковал из Ильи одну из самых знаменитых национальных фигур Грузии. А еще в петербургскую пору Чавчавадзе написал свои самые лучшие стихотворения. Одно из них, родившееся в Павловске, по-особому звучит в этом месте Тбилиси, рядом с которым начинается улица Петра Чайковского:

*Ах, зачем очаровала
Ты поэта-иноземца,
Он в любви своей бескрайней
Утопить готов был сердце.*

*Но однажды ты призналась:
«Мы с тобою – лед и пламя;
Ты взращен под южным небом
Молниями и громами;*

*Я цвету в долине холодной,
Где суровы, долги зимы,
Как мое ответит сердце
Сердцу пылкого грузина?..»*

*Так красавица сказала,
Так любовь мою отторгла...
Видно, быть мне одиноким
Долго-долго, долго-долго.*

Эти строки посвящены Софье Чайковской – сестре великого композитора, в которую Илья был безответно влюблен в годы своей петербургской молодости. А вот – удивительнейшее предсказание собственной судьбы, написанное в Питере. Автору – всего лишь 21 год.

*К стопам твоим припав,
о Боже правый,
Я ни богатства не прошу, ни славы,
Святой молитвы осквернить не смею...*

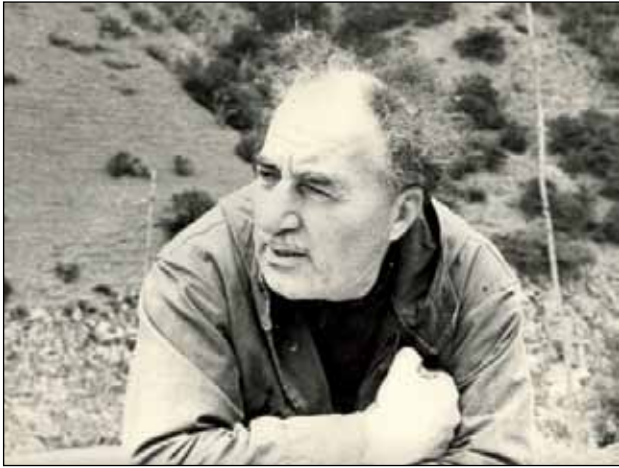
*Но, благодатью осенен твоею,
К тебе прибегну я с мольбой иною.
Врагов, что нож заносят надо мною,
Прости и не ввергай в кромешный ад,
Они не знают, что они творят!*

Кстати, о тех, кто нож заносит над людьми. Через шесть лет после того, как редакция «Иверии» переехала с Фрейлинской улицы, в нее приносит свои стихи 16-летний паренек. Чавчавадзе направляет его к секретарю редакции Григорию Кипшидзе, тот отбирает пять стихотворений, и в 1895 году они появляются в газете за подписями И. Дж-швили и Сосело. Проходит еще двенадцать лет, и видный общественный деятель Михаил Келенджеридзе издает «Грузинскую хрестоматию или сборник лучших образцов грузинской словесности», в которой – стихотворение того же автора с посвящением: «Поэту, певцу крестьянского труда, князю Рафаэлу Эристави». А в том же самом 1907 году, когда появляется эта хрестоматия, уже сам автор стихов обитает на Фрейлинской, через дом от того, где жил Чавчавадзе. И мы даже можем прочесть его полное имя в газете «Цкаро»: в траурном объявлении, среди извещающих о смерти Екатерины Сванидзе – ее муж Иосиф Джугашвили. Да, предпочел бы Сосела литературу политике – мировая история пошла бы другим путем... Ну, а доска, посвященная несостоявшемуся поэту, занесшему нож над миллионами людей, исчезла со старого сололакского дома в начале 1990-х – ее унесла с собой компания подвыпивших людей. Я сам был тому свидетелем.

Но ничего не могу сказать о том, когда дом №56 на улице Асатиани (бывшей Энгельса) перестала украшать доска, извещавшая, что там 45 лет прожил писатель, для которого державный удар ножом, к счастью, оказался не смертельным. В судьбе Левана Готуа ничто не предвещало туч. У его исторических романов и повестей было множество читателей, в годы Великой Отечественной войны с большим успехом шли его пьесы «Царь Иракий», «Давид Строитель», «Непобедимые», оцененные самим экс-Сосело. А потом, дожив до 43-х лет, Леван Партенович получил от органов госбезопасности печальную возможность оказаться рядом с российскими литераторами за колючей проволокой Воркуты.

О том, почему Готуа «сел» на 10 лет, есть две вер-

▲ Леван Готуа

сии. Первая: его сестра отвергла ухаживания самого товарища Берия, и все члены семьи, поддержавшие ее, были арестованы. Вторая: писатель отказался писать произведение, прославляющее историческую миссию Сталина. Как бы то ни было, мы видим одно: в обоих случаях Готуа не дрогнул перед теми, кто заносил ножи. И в «Воркутлаге» рядом с ним были и Генрих Альтов – будущий известный писатель-фантаст, и Виктор Василенко – профессор МГУ, автор трех сборников стихов и монографии о народном творчестве, и Иван Гронский – бывший главный редактор журнала «Новый мир», и поэт Владимир Игнатов, ученик Семена Кирсанова, и другие, чьи имена не смогли зазвучать в литературном мире в полную силу. Но самое поразительное, что в лагерных застенках многие литераторы продолжали писать. Леван тоже написал за «колючкой» исторический роман, с помощью товарищей сумел спрятать рукопись в штольне и... там ее съели крысы. Но, уж, если рукописи неподвластны огню, то крысам – и подавно. Писатель восстановил роман и, выйдя на свободу, издал его.

Сегодня уже ничто не напоминает о том, что он жил в этом доме. Но вот – результат опроса, проведенного около двух лет назад еженедельником «Квирис палитра»: в десятке самых любимых писателей Грузии оказался и Леван Готуа. Так, неужто, он не достоин мемо-

риальной доски?

Тот же вопрос нельзя не задать и у дома №7 на улице Мачабели, где жил один из основателей грузинского символизма, «голубороговец» Сандро Шаншиашвили. Тот самый, который блестяще переводил своего друга Сергея Есенина и донес до нас его слова: «Дайте мне на берегу Куры клочок земли, и я построю тут дом, когда я в Грузии – я рад жизни». Именно в дом Сандро приходили Николай Заболоцкий, Ираклий Андроников и Николай Тихонов, которого Шаншиашвили пригласил в Кахетию и засвидетельствовал: «Николай Тихонов исходил всю Грузию – с востока на запад. Он знает наш край не хуже любого грузина». А Тихонов сумел донести до русского читателя очень сложное для перевода стихотворение Сандро «Дуб в Чиатурском лесу». К нему стоит прислушаться – оно актуально для любого времени, в котором решают раз и навсегда покончить со всем, что было раньше:

*...Так решено: повалить! Поднялся топор
белошекий,
Свадебной песней пила заскрежетала, летая, -
Листвы паруса зашумели, и треснули сучьев
трещотки,
И брызнула кровь, как из порванной глотки бугая.
И, смертью наполнен, пылая мученьем, клоняся,
Сломался, хрипя, он, и, лес раздирая кругом,
Заставив соседей своих умирать в одиночестве,
Упал великан... И карлик ступил на него.*

А еще Шаншиашвили – автор культовых в свое время пьес о «грузинском Робин Гуде» - Арсене Одзелашвили, и сценария фильма, снятого знаменитым Михаилом Чиаурели с участием несравненной Нато Вачнадзе. По его пьесе «Латавра» классик грузинской музыки Захарий Палиашвили написал последнюю из трех своих опер. Шаншиашвили прожил 91 год, вобрав в себя сразу несколько литературных эпох. И соотечественники, и многочисленные русские друзья-писатели с почтением называли его патриархом литературы. А памятная доска на его доме, мимо которой мы все проходили миллионы раз, исчезла...

То же самое произошло и с домом №3 по улице Ингороква, где два последних года своей короткой жизни провел замечательный поэт Ладо Асатиани. Тбилиси принял Ладо за несколько лет до его смерти. Страшный коток, запущенный Сосело, прошелся и по семье этого человека – дед его скончался, когда при раскулачивании у него отобрали дом и земли, мать сгинула в ссылке. Но судьба умеет горько шутить: первое стихотворение 20-летнего Ладо появилось в кутаисской газете «Сталинели» («Сталинец»)... А на все остальное творчество ему было отпущено еще всего шесть лет.

Перебравшись в Тбилиси, выпускник Кутаисского пединститута Асатиани жи-

◀ Сандро Шаншиашвили

▼ Ладо Асатиани

вет на гонорары от публикаций и редактуры. Здесь, на проспекте Руставели, у платана, по сей день не вырубленного, подобно сотням других столичных деревьев, он встретил свою любовь – Анико Вачнадзе. Здесь его кумиром становится Пиросмани: «Каждый настоящий культурный поэт должен писать стихи так, как Нико Пиросмани писал свои картины. Хотя Пиросмани не был образованным художником, его талант решил все». Здесь он начинает растить дочь, борется со смертельным врагом – туберкулезом. И, словно предчувствуя свой скорый уход, много пишет. Смерть пришла к нему в 1943-м, в тот момент, когда он работал над очередным стихотворением. За пару лет до этого он успел увидеть свою единственную изданную при жизни книгу. Сигнальный экземпляр второго сборника продолжения не имел – кое-кто посчитал, что в военное время можно обойтись и без него. Но, несмотря ни на что, Ладо говорит друзьям: «Посмотрим, вскоре вся Грузия будет наизусть читать мои стихотворения». И это пророчество сбылось.

Один из основных символов поэзии Асатиани – маки. Они ассоциируются у него и с кровью павших воинов, и со счастьем, и с женской красотой. И этот образ, и весь ясный стиль его стихов влекут к Ладо не только его земляков, но и больших русских поэтов. Белла Ахмадулина так откликается на его строчку «Вспомнят меня, как Цикаду, и наступят на теплую могилу мою»:

*...Я-то знаю,
что под этой елью
ты уснул,
положив свою голову в маки.
Вздурораженный любовью,
наполненный ею,
ты лежишь,
как лежат все поэты и маги.
А земля наполняется парусами
и цветами,
которые тебя так манили...
А Пиросмани?
О, Пиросмани
придет к твоей теплой могиле...*

Вообще, у Ахмадулиной – одни из лучших переводов Асатиани. Впрочем, как и у Давида Самойлова. Прислушайтесь, как живет в его переводе образ, главный в творчестве грузинского поэта:

*... Так, значит, нам не быть седыми,
так, значит, быть нам молодыми,
когда в пути так много маков,
когда так много добрых знаков.
Нам больше ничего не надо,
не надо нам и брэнной славы,
цветет высокая награда:
поля сияют в маке алом!..*

Не ради брэнной славы, а как один из многих добрых знаков, в Соллаки просто обязана была появиться памятная надпись и на 20-м номере улицы Леонидзе. Но, сколько я себя помню, ее там не было, а теперь все идет к тому, что и вешать-то доску уже будет не на чем – дом в таком состоянии, что часть его попросту обвалилась. И сегодня трудно поверить, что когда-то в этих стенах, по четвергам, собирался тифлисский бомонд, видные деятели искусства и литературы устраивали импровизированные вечера, пел «грузинский соловей» Вано Сараджишвили и читал стихи Константин Бальмонт. Тот самый, что поклялся: «Святыню Грузии – поэму Руставели, Я – славянин, клянусь явить своей свирелью...» Все это происходило в доме юриста, писателя и журналиста Александра Канчели. Продолжая работать над первым в истории полным переводом на русский язык «Витязя в тигровой шкуре», Бальмонт в 1915-м, поселился именно здесь, а не в «Гранд-отеле», как в первый свой приезд за год до того.

Грузинское общество с восторгом встречает его интерес к Руставели. Тем более что Бальмонт берет уроки грузинского языка, чтобы лучше проникнуться духом поэмы. Звучат восторженные фразы о том, что встретились два гения, пресса освещает каждый его шаг, все

20/8

83603636
67
833804580

▲ Константин Бальмонт и Тамара Канчели

слои горожан переполняют залы, в которых русский поэт проводит руставелевские вечера. Сандро Канчели дает в его честь ужин в саду «Грузинского клуба», где Бальмонт состязается в стихах с Ованесом Туманяном. А «Общество по распространению грузинской литературы» дарит гостю роскошное издание «Витязя» на грузинском. Сам же он радостно делится в письмах: «Моя работа нашла тех, кто в ней нуждается... она получает иной, радостный смысл». Тифлиским друзьям он посвящает массу стихов и экспромтов, а в предисловии к переведенной поэме особенно благодарит чету Канчели, считая, что духовное общение с ней вдохновляло его во время поистине титанической работы.

А еще его связывает с домом №20 поэтическая влюбленность. Это – вполне естественное творческое состояние авторов высокой лирики, и Константин Дмитриевич – не исключение. Грузия воплотилась для него в Тамаре Канчели: «Мое – среди сумрачных ущелий,/ Гость солнца в Грузии, я – сам,/ Моя любовь, Тамар Канчели,/ Чье имя отдаю векам». Это – о жене Сандро Канчели, образованнейшей, обаятельной женщине. Кстати, один из трех ее братьев издавал газету «Закавказская речь», подробно освещавшую каждый шаг Бальмонта в Грузии. А сама она, растя троих сыновей, была членом «Общества грузинских женщин».

Работая в России над переводом «Витязя», который он затем впервые прочел здесь же, в доме на Сололакской (ныне – Леонидзе), Бальмонт активно переписывался с Тамар и Сандро. А нам стоит присмотреться к его телеграмме, присланной этой чете из Парижа: латинскими буквами набраны грузинские слова ««Мзе миквархар Картли» («Солнце, люблю тебя, Картли»). Ну, а лично Тамар он еще и сонет посвятил:

*Я встретился с тобой на радостной дороге,
Ведущей к счастью. Но был уж поздний час.
И были пламенны и богомольно-строги
Изгибы губ твоих и зовы черных глаз.*

*Я полюбил тебя. Чуть встретя. В первый час.
О, в первый миг. Ты встала на пороге.
Мне бросила цветы. И в этом был рассказ,
Что ты ждала того, чего желают боги.*

*Ты показала мне скрывавшийся пожар.
Ты приоткрыла мне таинственную дверцу.
Ты искру бросила от сердца прямо к сердцу.*

*И я несу тебе горение – как дар.
Ты, солнцем вспыхнувши, зажглась единоверцу.
Я полюбил тебя, красивая Тамар.*

А теперь раскроем письмо, написанное Бальмонтом перед отъездом в 1917-м в Грузию, куда он везет полностью законченный перевод поэмы: «И думаю, как перед грузинами я возьму в руки... свою работу, я бледнею и плачу, как герои Руставели». Но плакать ему пришлось совсем по другой причине: его тифлисская муза Тамар тяжело больна. И письма Бальмонта семье, в Россию, читаются, как трагический репортаж. «Только сила души позволяет этому истерзанному телу не умереть со-

всем»... «Сегодня вечером... на носилках снесли Тамар с высоты, где ее дача, и где она задыхалась, вниз на берег Боржомки. Вчера казалось, что она умрет. Сегодня ей лучше»... «Вчера мы похоронили Тамар. Нас, провожающих, было много. Гроб весь был укрыт цветами, и от меня было много... роз и белая лента: «Лучшей грузинке Тамар Канчели от Бальмонта, во имя ее пропавшего порусски всю поэму Руставели». Я еще не в силах понять, что Тамар действительно нет. Шлю мой стих к Тамар». Вот слова из этого стиха «Имени Тамар Канчели», сразу же опубликованного в газете «Сакартвело»:

*Для меня опустела Картвелия,
Мой светильник погас, догорев,
Для кого же принес Руставели я,
Облаченного в русский напев?!*

А вообще-то, если когда-нибудь над многими стертими порогами, все-таки, появятся подобающие им мемориальные доски, хорошо было бы увековечить на них просто несколько строк, касающихся судеб тех, то здесь жил. Например, слова грузина Ильи, посвященные русской Софье, или строки русского Константина, обращенные к грузинке Тамар. Да и мало ли что еще может подсказать память о том, что роднит культуры двух народов! Главное, чтобы святые (не побоюсь этого слова) места не были заметны лишь объявлениями о сдаче исторических квартир и больше – ничем.

Владимир ГОЛОВИН

Гвердцители, продолжившей французскую тему.

Легко и артистично вел вечер Андрис Лиэпа, сообщивший зрителям, что концерт носит благотворительный характер: все вырученные средства будут перечислены в фонд Патриархии Грузии в помощь детям, больным лейкемией и аутизмом.

«Этот проект давно витал в воздухе, - рассказала автор проекта Нино Лапиашвили, которой помогли исполнительный продюсер Давид Окиташвили, столичная мэрия, компания MAGTI. - За неделю до концерта мы открыли выставку фотографий Мариса Лиэпы в театре музыки и драмы имени В.Абашидзе. Были представлены уникальные материалы из личного архива Илзе и Андриса Лиэпы. Эти снимки очень редко видят свет. Для экспозиции мною были отобраны и отреставрированы самые лучшие фотографии. С танцовщиком, режиссером, продюсером Андрисом Лиэпа, возглавляющим Фонд имени Мариса Лиэпа, мы друг друга прекрасно понимаем - и в творческом, и в человеческом плане. Он приехал в Тбилиси прямо к открытию, будучи уверенным, что экспозиция будет именно такой, какой бы ему хотелось ее видеть. Мне очень помогла моя подруга, бывшая солистка ансамбля «Рустави» Ия Макацария, которая вместе с супругом Зурабом Чхаидзе возглавляет компанию «Кახетинское традиционное виноделие». На выставке прошла презентация специально выпущенного вина этой компании «Марис Лиэпа - 75». Андрис Лиэпа давал автографы, расписываясь на бутылках. Это было очень красиво! У меня была двойная задача - чтобы концерт состоялся и чтобы в нем обя-

ВИВАТ, ЛИЕПА!

Только так - широко, с размахом, с участием знаменитостей, с показом редких хроникальных кадров и фотографий - и можно было отметить 75-летний юбилей мегазвезды мирового балета эпохи Юрия Григоровича Мариса Лиэпы.

Спустя десятилетие сам Николай Цискаридзе вновь пожаловал в Тбилиси, где его ожидал горячий прием соотечественников. Тем более, что артист представил на сцене Большого зала Грузинской государственной филармонии лучшие свои работы и был, что называется, в ударе. На гала-концерте он танцевал «Гибель Розы» на музыку Г.Малера и «Пиковую даму» на музыку П.Чайковского. В обоих случаях это была хореография великого Ролана Пети («Пиковая дама» была поставлена специально для Николая Цискаридзе).

Сюрпризом вечера стала премьера - на тбилисской сцене, накануне парижской премьеры, были показаны отрывки из нового балета «Клеопатра - Ида Рубинштейн», в котором в заглавной партии выступила Илзе Лиэпа. Поставил балет французский танцовщик и хореограф Патрик де Бана, представивший на концерте не только в качестве хореографа, но и артиста - в соло на музыку Баха. Неожиданным на празднике балета было появление на сцене звезды эстрады Тамары

зательно принял участие Николай Цискаридзе - один из уникальных танцовщиков современности, истинный тбилисец и стопроцентный грузин, который никогда не забывал свои корни! И грузинский язык для него - сокровенный. Для меня было очень важно, чтобы Ника приехал в Тбилиси. И он вернулся! Еще один момент: Андрис хотел, чтобы концерт завершился «Дон-Кихотом». Но все-таки решили закончить «Пиковой дамой». В Тбилиси это была самая лучшая точка!.. «Пиковая дама» всегда проходит на высоком уровне, но, наверное, в Грузии был показан один из лучших спектаклей. Вы не можете себе представить, как Ника готовился к концерту, как он волновался! У Цискаридзе не бывает плохих спектаклей, но вчера он выложился по максимуму. После выступления Ника сказал мне: «Я уже дышать не могу! Могу ли я после этого еще выйти на сцену?» Каждый из них - Илзе и Ника - работал потрясающе, как будто это - последний бой!» Смертельная схватка между Старой графиней (Илзе Лиэпа) и Герман-

▲ Илзе с отцом Марисом Лиепа

ном (Ника Цискаридзе), одержимым патологической страстью к игре, была сыграна так, что даже заставила зрителей забыть о высочайшей технике артистов. Они буквально наэлектризовали зал своим темпераментным, эмоционально-насыщенным танцем, своей «полной гибелью всерьез», если вспомнить Пастернака. Именно так существовал на сцене, в профессии и Марис Лиепа – «Лоуренс Оливье в балете».

- Илзе, тбилисцы были буквально потрясены «Пиковой дамой», в которой блестяще выступил дуэт Лиепа – Цискаридзе. До сих пор перед глазами «хищные» кисти рук Старой графини... Как родился спектакль?

- Никогда не знаешь, как рождается тот или иной спектакль. Просто с нами был совершенно гениальный хореограф Ролан Пети. Когда стоишь в балетном зале рядом с таким гением, то ничего невозможного нет. Это такая фантастическая энергетика! Пети давал столько возможностей для проявления собственной фантазии, что я невольно становилась его соавтором. Но обычно это происходит только потому, что ты находишься рядом с таким мощным генератором, феноменальной батареей. С Колей Цискаридзе и Роланом Пети мы работали в уникальной ситуации, которая в балете, как правило, не бывает никогда. Ведь балет – травматичное искусство. Поэтому всегда, во всем мире, спектакли делаются несколькими составами. Это закон. Но в нашем случае произошло невероятное исключение: мы работали одним составом. И как оказалось, в этом тоже был ключ к тому, что получилось в итоге. Два состава – это всегда конкуренция. Это глаза, которые на тебя смотрят, - так же, как смотришь ты! Что-то в этом есть спортивно-соревновательное. А когда ты вдруг оказываешься в зале... семьей, когда тебе никто не наступает на пятки, это замечательно. Вчера Нино Лапиашвили вспоминала, как она пришла на наши репетиции в Париже, куда мы привезли «Пиковую даму». «Ну, сделайте им хоть какое-то замечание!» - говорила Нина Ролану Пети. «Какое замечание? - возражал хореограф. - Я сижу и получаю удовольствие. Я пришел сюда для любви!» Это

правда, мы делали этот спектакль в большой любви. Может быть, в этом и был секрет его успеха...

- Вы сказали: «два состава – в этом есть всегда что-то спортивно-соревновательное». Конкуренция обычно мешает творчеству?

- Наверное, когда ты юный, конкуренция тебя стимулирует. А когда наступает зрелость, это уже, конечно, не нужно. Так не хочется кому-то что-то доказывать! Хотя, с другой стороны, каждый раз, когда ты выходишь на сцену, то доказываешь что-то, прежде всего самому себе.

- Старая графиня из «Пиковой дамы» остается главной вашей удачей последних лет...

- «Пиковая дама» привела меня в Большой театр. Потому что до этого моя жизнь проходила параллельно с Большим. Я делала собственные проекты, участвовала в проектах брата Андриса и совершенно этим не тяготилась. У меня была очень насыщенная творческая жизнь – в отличие от моих коллег. Я работала с разными хореографами. Самое ценное для артиста балета – когда спектакль ставят на него, а не когда он учит партию, много раз уже исполненную. У меня в этом смысле было много интересного. Незабываема работа с хореографом Георгием Алексидзе. Он подарил мне несколько изумительных номеров – маленьких спектаклей. Хорошо, что я могу сейчас в Тбилиси об этом вспомнить. Но я вспоминаю об этом не только потому, что нахожусь в столице Грузии. Просто это действительно нечто незабываемое... Какие деликатные, тонкие вещи он делал! Так Георгий Алексидзе поставил дивный, хрустальный номер «Разлука». Это был изумительный художник, талантливый человек. Было много-много других, российских и западных хореографов. А вот «Пиковая дама» привела меня обратно в Большой театр. И, конечно, для меня это очень важно.

- В одном из интервью Андрис Лиепа рассказал, что Марис Лиепа считал Большой театр пределом мечтаний любого артиста балета. Для вас это тоже так?

- Нет. И для Андриса тоже, ведь однажды он уехал

в США. Сейчас отец понял бы его. Помню, как я была на перепутье. У меня не складывалось в Большом театре, и Андрис мне сказал: «Подумай, чего ты хочешь. Строить карьеру в Большом театре? Тогда ты будешь биться в закрытые двери. Сделаешь один маленький шагочек, потом еще один... Иди, если хочешь, этим путем. Но если стремишься к творчеству, то почему ты думаешь, что оно может быть только в стенах Большого театра? Творчество везде! Оно вообще ни от чего не зависит». Этот разговор изменил мою точку зрения на то, что со мной происходило. Андрис, человек близкий мне по духу, сказал именно те слова, которые были мне нужны. С того момента я абсолютно абстрагировалась от Большого театра. Там я делала просто то, что мне давали. А все мое настоящее творчество, самая интересная жизнь проходила вне его стен.

- Илзе, часто ли вам приходилось идти ва-банк, принимать какие-то судьбоносные решения, кардинально ломавшие что-то в вашей жизни? И насколько этот риск оправдывался в дальнейшем?

- Приходилось, конечно, рисковать. Достаточно вспомнить мой первый творческий вечер. Это был переломный момент... Вся моя семья тогда за меня очень переживала, тот же Андрис был против того, чтобы я этот вечер делала. Мне говорили, что я не готова, что такие вещи так не делают, что надо быть осторожной. А вот у меня была внутренняя уверенность, что это надо сделать обязательно. Но я все-таки провела творческий вечер, и это стало началом моей совсем новой творческой жизни, а также моей пробы в драматическом театре. Я была тогда артисткой кордебалета, и у меня в театре действительно не было абсолютно никакого репертуара. Но с Божьей помощью репертуар на этот творческий вечер у меня нашелся, причем очень интересный. Друзья в Лондоне предложили мне два потрясающих номера – «Ночь» Анны Павловой, которая вошла в эту программу, и дуэт «Павана» хореографии англичанина Уэйна Иглинга. Позднее мы с Иглингом подружжились, и он поставил на меня «Марию Стюарт» в Римской наци-

ональной опере, где я станцевала заглавную партию, а также балет «Синий Бог», в котором я выступила вместе с Николаем Цискаридзе в проекте Андриса Лиепы. Было ощущение, словно кто-то свыше управляет моей жизнью... Так же произошло и с моим драматическим проектом. Все очень волновались, отговаривали меня, убеждая в том, что мне не стоит этого делать, что я позорю себя. Но я была уверена, что должна осуществить это. И я сыграла драматическую роль в очень серьезной пьесе вместе с выдающимися партнерами. Одна из них – Светлана Крючкова... И я очень рада, что у меня хватило смелости и решительности осуществить задуманное.

- Я впервые увидела вас в роли жены Ломоносова в одноименном телефильме. Тогда казалось, что путь драматической актрисы для вас открыт и что вы будете работать именно в этой сфере.

- Это был тот период в моей жизни, когда мне совсем нечего было делать в театре, и тогда моя мама подтолкнула меня к решительному шагу, за что я ей очень благодарна. Она сказала: «Главное – не сидеть без работы! Если есть возможность поработать в кино, делай кино!» Работа в фильме «Михайло Ломоносов» мне очень помогла, поддержала. Ведь тогда у меня даже возникла мысль оставить балет и заняться чем-нибудь другим.

- Согласны ли вы с утверждением: то, что не убивает, делает нас сильнее?

- Может быть. Но вообще сильнее нас делает только Господь Бог. Вспомним слова апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий». Что мы можем без помощи Бога? Вообще ничего. Когда я вспоминаю то, о чем вам рассказываю, то понимаю, что во всем этом проявляется промысел Божий. И потом – такая поддержка от людей, друзей! Вот автор проекта Нино Лапиашвили – через многое прошла вместе с нашей семьей. Мы – сестры, хоть и представляем разные страны, разные народы. Нина – ближайший нам человек. И такая дружба очень важна в жизни. На этой почве у нас было много творческих обретений. Этот концерт никогда бы не состоялся, если бы не энергия этой очаровательной женщины стилиста Шанель.

- Может быть, то, что обретаешь с трудом, больше ценишь?

- Конечно. Помню, был момент, когда танцевать в кордебалете для меня было невероятной мечтой и недостижимой планкой. Помню, как я танцевала в кордебалете «Жизели», и педагог потом мне сказала: «Я видела тебя в кордебалете. Ты так танцевала, что я просто не могла от тебя глаз оторвать!» Для меня это было очень ценно, я была так переполнена чувствами в тот момент...

- Отец не мог помочь вам в начале карьеры?

- У Мариса были сложные отношения в театре. Но нам с братом всегда очень помогали его имя, харизматичность, пример его жизни, опыт, переданный нам в профессии. Когда мы видели, как работает отец, то в полной мере осознавали, какова реальная жизнь артиста балета.

- Чему вы научились у Мариса Лиепы прежде всего?

- Умению работать. Ведь любой спектакль – это огромный труд, который за тебя никто

не делает. Любую роль, любую маленькую вещь нужно выстраивать вплоть до каждого пальца. Не знаю, насколько мы можем приблизиться к способности Мариса Лиены таким образом – до каждого пальца, выстраивать свои роли... Мы видели, как он репетировал свой последний балет «Спартак». Отец танцевал этот спектакль много лет, но все равно искал новые актерские ходы. Мы, тогда уже молодые артисты, понимали, отчего спектакли остаются живыми. Потому что обновляются какими-то новыми мыслями, новыми находками. И отец это делал. Он стремился к тому, чтобы быть прежде всего артистом, а не к тому, чтобы хорошо выполнить пируэт или прыжок.

- Какой женский образ вы хотели бы воплотить на сцене?

- Никогда я не думала о том, что хотела бы воплотить... Вот сейчас мы делаем спектакль о знаменитой танцовщице Ида Рубинштейн. Она не оставляет нас много лет. Когда Андрис начал восстанавливать балеты Дягилева, и я вошла в ее репертуар, начиная с Шехерезады, личность этой женщины стала нас очень привлекать, волновать. Мы заинтересовались ее судьбой и выяснили, что о ней очень мало кто знает. Ида Рубинштейн даже сознательно шла к тому, чтобы не оставлять никаких следов в своей жизни. Хотя это было невозможно, ведь именно ее увлеченность искусством подарила миру такие невероятные шедевры, как, например, «Болеро» Равеля, многие другие музыкальные и художественные проекты. На нее работали Леонид Бакст, Александр Глазунов, Михаил Фокин, Всеволод Мейерхольд – невероятная плеяда художников из разных областей того времени. Поэтому Ида Рубинштейн нас интересовала, и мы еще увлекли своим интересом нашу французскую подругу, в итоге она написала целый труд об Ида Рубинштейн, привлекла уникальные материалы... И все равно мы знаем о ней очень мало. Все равно Ида Рубинштейн – загадочная женщина. Поэтому мы назвали наш балет не «Клеопатра», а «Клеопатра – Ида Рубинштейн» – о том, как она шла к этому спектаклю, открывшему для нее путь к славе.

- Иногда приходится слышать о том, что престиж артиста балета сегодня несколько поблек. Неужели эпоха больших личностей ушла в прошлое?

- Если иметь в виду Екатерину Максимову, моего отца, ушедших из жизни, или ныне здравствующих Майю Плисецкую, Владимира Васильева, то не возникает никакой мысли о том, что престиж поблек. И каждый современный артист балета своей жизнью декларирует свое отношение к профессии... Вы знаете, я не решаюсь отвечать на этот вопрос – как человек, который что-то видел в прошлом. Часто возникает ностальгия: «А помнишь, как это было?» Я тоже воспитана на спектаклях Плисецкой, Максимовой, Васильева, Михаила Лавровского, Александра Годунова, и когда вспоминаю их, становится грустно, конечно. Да, такого заново не переживешь, не воскресишь то, что чувствовал когда-то, видя этих артистов на сцене – сегодня таких и не увидишь. Зато есть что-то другое. Сейчас существует невероятная эстетика. Просто поменялся угол зрения. И, наверное, если раньше в балетный театр ходили на личности, то сейчас чаще всего идут на спектакли, на хореографа.

- Можно сказать, что вы нашли своего хореографа?

- Конечно, это Ролан Пети! О чем еще можно мечтать? Лучший хореограф XX и XXI века! Больше комплиментов, чем от этого человека, я никогда в жизни ни от кого не слышала. Я даже не ожидала, что он так будет говорить о нашей работе. Меня это очень радует, поддерживает. Но я отдаю пальму первенства ему – Ролану Пети. Если бы не было его энергии, его таланта,

гениальности, у нас бы ничего не получилось. Я в этом абсолютно уверена!

- Вы живете сегодняшним днем или все-таки тревожитесь о будущем? Век балерины короток...

- У меня есть дело, которым я живу параллельно, - это мои балетные школы. Их уже пять в Москве! И я буквально разрываюсь между семьей, дочерью и работой. С 2011 года веду авторскую программу «Балет FM» на радио «Орфей».

- А как кино, театр?

- После рождения дочери Надежды два года назад мне пришлось сузить круг своих интересов. От многого я просто отказалась – иначе просто невозможно. Правда, Рустам Хамдамов приглашает меня на небольшую роль в свой фильм – на это понадобится всего несколько дней. Конечно, я не могу отказать такому человеку. У меня настолько активная творческая жизнь, что дальше просто некуда! Когда есть балет, это уже очень много.

- Как со стрессами справляетесь?

- В храм хожу...

- А как поддерживаете физическую форму?

- Сейчас в Москве выходит моя книжка – «Илзе Лиена. Метод». В наших студиях осуществляются программы для женщин – в книжке рассказывается о женских проблемах: о проблемах питания, о том, как можно эффективно и быстро поддерживать себя в форме. В наших студиях мы пропагандируем такое направление, как пилатес. Это не новая вещь. Система пилатес – наилучшее средство оздоровления организма, лечебная физкультура, наиболее щадящий и безопасный для организма комплекс упражнений, разработанный еще 100 лет назад Йозефом Пилатесом – канадцем по происхождению. Потом он начал развивать это направление в США. Для занятия пилатесом созданы замечательные тренажеры. Они выравнивают тело, укрепляют мышцы – в том числе внутренние. Так что это очень полезная для женщин вещь!

Надежда БЕЛОВА

ГРУЗИНСТВО – ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Завершился традиционный международный (седьмой) фестиваль «От Пасхи до Вознесения», в рамках которого Виктория Чаплинская посвятила музыкальный вечер памяти видного концертмейстера и педагога Важа Чачава. Потом в концертном зале Национальной библиотеки Парламента Грузии опять же по ее инициативе состоялся юбилейный концерт, посвященный 100-летию со дня рождения замечательного пианиста-концертмейстера Тбилисского оперного театра и профессора консерватории Татьяны Дуненко. С участием учащихся Центральной музыкальной школы-десятилетки им. З.Палиашвили (школы одаренных детей) класса В.Чаплинской, которые аккомпанировали как своим ровесникам, так и певцам оперного театра.

Виктория Чаплинская приятно поразила меня безграничным чувством любви и благодарности Грузии. Она напомнила мне преданных Грузии людей, которым также дорог грузинский язык, культура и история, как это свойственно генетической памяти грузина.

«Вика Чаплинская действительно большой музыкант, большой профессионал. Я хочу особо выделить одну ее черту – огромную любовь и заслуги в деле пропаганды грузинской, профессиональной музыки. Мы,

грузинские композиторы, в неоплатном долгу перед ней. Хочу поблагодарить за все. Я имел возможность встречаться с ней как с концертмейстером и восхищен ее удивительным даром, постижением сути нового произведения. Работать с известными произведениями легче, поскольку есть проторенный путь его прочтения, чего не скажешь о новом, впервые исполняемом. Вот Вика именно этим талантом меня изумляет – отношением к новому музыкальному тексту и его авторским прочтени-

ем. Задумываешься и понимаешь, что оно верное и веришь ему». Каха Цабадзе, председатель Союза композиторов Грузии, директор музея Захария Палиашвили.

«Это очень серьезный музыкант, преданный своему делу, истинный патриот грузинского вокального, оперного, концертмейстерского искусства. Очень большого уважения заслуживает Вика Чаплинская тем, что искусством ансамбля, этим достаточно сложным жанром, увлекает своих учащихся и студентов. Очень признательны ей вокалисты. Их успехи – цель ее жизни и самая большая радость. К сожалению, все меньше число профессионалов такого уровня и ранга. Я всегда готова ее поддержать. Не могу не вспомнить концерт, посвященный памяти большого музыканта Важа Чачава, факт многостороннего значения, когда коллега посвящает коллеге высокого уровня концерт, с хорошо подготовленными вокалистами и избранным репертуаром». Манана Ахметели, председатель Музыкального общества Грузии, музыковед.

Творческая биография Виктории Чаплинской отражена в публикациях видных представителей грузинского искусства – Бидзины Квернадзе, Захария Хуродзе, Гизо Жордания, Мери Давиташвили, Нодара Андгуладзе, Тенгиза Амирэджиби. Достаточно впечатляющие оценки, которые сами по себе представляют ценный во многих отношениях материал. Я решила создать, как могла, новый портрет Виктории Чаплинской, пользуясь ее же педагогическим методом. И так...

▼ Виктория Чаплинская

ЧАПЛИНСКАЯ О ЧАПЛИНСКОЙ

- У меня свой взгляд на нашу профессию, сложную профессию. Вот, Важа Чачава придал этой профессии другую значимость. Елена Образцова забрала его в Москву, потому что ей надо было иметь рядом именно такого пианиста – образованного, преданного, настоящего профессионала, который определял творческий путь певицы. Поэтому задача концертмейстера это одновременно функции педагога, просветителя, руководителя, режиссера, дирижера. Когда совместное творчество близится к концу это означает близость премьеры. Работа концертмейстера – это кухня, без которой нет совместного творчества.

Моя профессиональная деятельность связала меня с многими вокалистами. У каждого из них, понятно, своя исполнительская манера и свое отношение к музыке. Вокальная партия должна быть внутренне осмыслена исполнителем и донесена до слушателя, музыкальный образ должен быть донесен до него даже без визуального изображения.

Признаюсь, что люблю работать с теми, с кем работаю на протяжении многих лет, когда понимаешь коллегу с полуслова. К примеру, Амнерис совершенно не меняется после того, как Радамес оказывается перед судом: она и любит, и хочет спасти, и одновременно не прощает того, что он выбрал Аиду, и готова погубить. И все это происходит в одной сцене. Во время работы над партией нужно проникнуть в нотный текст, вычитать мысль и чувство композитора, передать через исполнителя эту гамму чувств.

Музыкальное мышление во мне развила мой педагог Татьяна Григорьевна Дуненко в Тбилисской консерватории. Она предоставляла возможность свободного выбора, когда я, к примеру, читала стихи без чувства. Она разрешала мне менять динамику романса с единственным условием – я должна была оправдать эту эмоцию. Никогда не забуду работу с Бидзиной Квернадзе над его оперой «И было это в восьмом году». Помню, музыкально-эмоциональный акцент не совпадал с интонацией слова, и я часто обращалась за советом к автору музыки. Батони Бидзина говорил: «Эта Чаплинская чуть ли не на уровне Павле Ингороква знает грузинский язык». Сказанные с юмором эти слова для меня были высшей оценкой. Между прочим, очень большое значение я придаю этническому характеру звука. Например, представьте, как неоправданно и забавно будет русское «А» в слове Вардзия в оратории Отара Тактакишвили «По следам Руставели».

Горжусь тем, что получила до консерватории образование в первом музыкальном училище им. Д.Аракишвили, старейшем на Кавказе, в Тбилисской и Петербургской консерваториях. Я счастлива, что мои знания отдаю моей родине-Грузии, ее культура действительно богатая и глубокая. Грузинская классическая музыка заслуживает того, чтобы ее более широко знали в мире. Я горячий сторонник этого и пропагандист. Мечтаю, чтобы мы не стремились получать знания в других странах, а напротив, чтобы приезжали к нам. Потенциал Грузии в этой сфере очень велик. Простой пример – Гия Гагидзе поет в спектаклях в Ла Скала и Метрополитен-опера. Он

▲ Виктория и Галина Чаплинские с Паатой Бурчуладзе

учился исключительно в Грузии, окончил Тбилисскую консерваторию и ее аспирантуру под руководством Тамаза Лаперашвили и моим. Потому и говорю, что Грузия располагает такими ресурсами.

Я сама прошла большую школу у народного артиста Тамаза Лаперашвили. Была его концертмейстером в оперном театре и концертмейстером его студентов в консерватории (Гия Гагнидзе, Миша Колелишвили); работала со всемирно известными певцами Зурабом Анджапаридзе, Цисаной Татишвили, Паатой Бурчуладзе, талантливейшими режиссерами и композиторами Джансугом Кахидзе, Робертом Стурау, Бидзиной Квернадзе, Гией Канчели, Гизо Жордания, Гурамом Мелива... Есть характерный момент в этих коллегиальных взаимоотношениях – они становятся моими друзьями. Вот, взгляните на эти альбомы и записи в них. «Моя Вика, прими мои добрые пожелания и постарайся до конца отдать свой профессионализм в твоём очень нужном и почетном деле... Твой старший друг Зураб Анджапаридзе. 1995 г. 15 ноября». «Виктории Чаплинской, блестящему музыканту и хорошему другу с любовью, Медея Амиранашвили. 18 декабря 2011 год».

Когда я говорю о ресурсах Грузии, то кроме уровня профессионализма, имею в виду традиционные от бога таланты, способность выявлять талант других. Это удел избранных и достойных.

Знаете, как я попала в оперный театр?

Талантливейший музыкант и дирижер Джансуг Кахидзе ставил в театре сложнейшую оперу Рихарда Штрауса «Саломея». Не хватало концертмейстера и кто-то предложил мою кандидатуру (в то время я уже училась в аспирантуре Петербургской консерватории). Не имея опыта, я представляла это дело не таким уж сложным, как было в действительности. Взяла клавир. Хожу на репетиции одну неделю. Между тем близится время моей поездки в Петербург для сдачи экзаменов. Мои друзья предупреждают: Кахидзе тебя не знает, он очень принципиальный и строгий. Лучше к нему не ходи, не то порвет ноты на твоей голове. Другого пути не было. Пришла. «Извините, батона Джансуг, несерьезно получается – я не успеваю сдать экзамены. Так что должна вернуть вам клавир». С трудом выговорила это. Жду, затаив дыхание. «Вика, вижу я, вы хороший человек. Думаю, мы будем работать вместе». Объявляет он конкурс через два месяца – 19 человек на два места. Во второй тур допустил только четырех.

Я счастлива. Думаю, закончилась нервозность, мы приняты и на всех четверых распределяют места... Но вышло иначе. Во втором туре устроил мне серьезные испытания, послушал как играю, работаю, заставил провести открытый урок и... взял одну меня на полный штат. Это было чудо.

До этого была встреча, которую можно назвать увертюрой этого чуда. Я только закончила консерваторию. Аккомпанирую одной певице, на прослушивании присутствует наш известный композитор и тогдашний министр культуры Отар Тактакишвили. «Это маленькая Дуненко», - говорит обо мне батони Отар и сравнивает меня с моим глубоко почитаемым педагогом. Потом подходит ко мне и говорит: «Я хочу, чтобы вы работали в оперном театре». Это было пророчество министра. И в этом нет моей особой заслуги. Это видение большого профессионала – открыть в других талант и качества, о которых сама личность, возможно, и не подозревает. Я никогда не думала о работе в театре, а вот батони Отар

▲ С Бидзиной Квернадзе

это предвидел.

Вообще я в Грузии нашла свое призвание. Уверена: окажись я в другой стране, все могло бы сложиться иначе. Бесконечно благодарна я в первую очередь моей сестре Галине, которая помогла мне делать первые шаги в музыке; Нуну Бердзенишвили – моей первой учительнице, которая вернула меня музыке (одно время я хотела отказаться от занятий); моим самым дорогим тбилиским профессорам – Гизи Амирэджиби и Татьяне Дуненко, моим петербургским профессорам Софье Вакман и Софье Хентовой, директору центра академического развития искусства Мариам Давиташвили, которая в самый сложный период была со мною рядом. Именно ее заслуга в том, что учащиеся моего класса не испытывали дискомфорта из-за отсутствия концертного зала школы. Я благодарна Грузии, для которой национальность не имеет значения, ведь грузинство – это состояние души.

Ни на что не имею претензий, кроме одного – быть полезной моей родине, любить ее не на словах, а в первую очередь выражать это в конкретных делах. Потому всячески стараюсь, чтобы расцвели и развились те сильные корни, которые есть в Грузии. Это сердца моего боль, гордость и радость.

Лия БУАДЗЕ
Перевел Арсен ЕРЕМЯН

ДОРОЖНАЯ КАРТА

Как же давно я начал жить на этом белом свете! День открытия Тбилисского метро помню яснее ясного. День гагаринского космического полета – с неменьшей отчетливостью. И как свидетельство моего почти ветхозаветного возраста помню наверняка другими редко виденное – настоящий цыганский табор: кибитки, лошади, двухметровый медведь с кольцом в ноздре.

Табор цыгане разбивали вблизи моего руставского дома, на правом берегу Куры, где сегодня ресторан для преуспевающих горожан бывшего центра грузинской химической и металлургической промышленности.

Тяжелую индустрию бывшего центра, как и легкую, в те годы поднимали посланцы разных народов действительно необъятной страны. И лишь цыгане, налегке кочевавшие по городом и весям, предпочитали успешно двигать вперед свою эксклюзивную индустрию развлечений. Топтыгин всегда занимал в ней главенствующее положение. Он плясал вприсядку, пьяным барином покидал кабаки, бравым солдатом вскидывал на плечо палку-ружье. Правда, на велосипеде, как у Корнея Чуковского, не ездил. И на мотоцикле, как в медвежьем цирке Валентина Филатова, тоже не катался. Видно, не научили его равнодушные к мототранспорту цыгане, да и крупный приречный галечник был не лучшим ристалищем для подобных цирковых экзерсисов.

На мотоциклах гоняли лихие ребята из цирковой бригады Вадима. И не по земной тверди, а по вертикальной стене, удерживаемые центробежной силой сумасшедшего мужества и отваги. Вадим появлялся всегда внезапно, за день устанавливал «бочку» – высокое цилиндрическое сооружение со зрительской трибуной по верхнему десятиметровому периметру, высланное внутри твердым покрытием, – и к вечеру старая базарная площадь оглашалась ревом мотоциклетных моторов.

Народ валом валил на щекочущее нервы представление «Круг смерти», в котором Вадим и его команда отгораживались от старухи с косою узкой страховочной сеткой, однажды-таки спасшей жизнь главному аттракционисту, рухнувшему с гибельной вертикали. После падения у Вадима стала сохнуть рука, он отошел от дела, и поговаривали, что погиб в какой-то кабацкой заварушке, впечатав в память руставских пацанов образ красивого и смелого супермена.

На смену Вадиму-мотоциклисту пришли длинные очереди за хлебом на закате хрущевской эпохи и – в древнеримском соответствии – желанные походы в Тбилисский цирк. В те годы площадь Героев славила не обочинными девицами. Славилась она самой высокой столичной многоэтажкой и ввиду интенсивности движения самым трудно-преодолимым наземным переходом к самой лучшей в городе лестнице, взбегавшей к самому лучшему его колоннадно-круглому зданию. Вот уж где можно было насладиться зрелищами!

Тбилисский цирк, построенный в 1939 году на роскошной, как говорят архитекторы, доминантной высоте, перевидал многих выдающихся мастеров арены. Что бы ни говорили, а по части балета и циркового трюкачества, наряду с политическим, Советский Союз был впереди планеты всей. Ну, а наша, грузинская труппа, хоть и созданная в 1958 году, мало в чем уступала московскому авангарду. «Союзгосцирк», главная тогдашняя организационно-бухгалтерская контора, охотно отправляла грузинских циркачей в контрактные зарубежные вояжи, ничего уж не говоря о гастрольных турне по матушке России, неньке-Украине и прочим кровнородственным братским республикам.

Тбилиское эстрадно-цирковое училище на проспекте Церетели близ «Дезертирского» рынка исправно ковало советскому цирку кадры до тех пор, пока не пришла в негодность общесоюзная наковальня и не закрылась на амбарный замок госцирковая кузница. Недолго

▲ Клоун Чичи

благоденствовал и ушедший в свободное плавание грузинский цирк. Одно время он подпитывался инвестициями Бадри Патаркацишвили, но с уходом последнего из жизни, увы, тоже приказал долго жить. Колоннадное здание на площади Героев сегодня открывает свои двери для редких, в основном, новогодних антреприз. Декада циркового искусства заканчивается очень быстро, не поспевая за желанием тысяч детишек в первый, самый впечатляющий раз воочию увидеть незабываемую манежную феерию.

Спрос есть – нет предложения! И есть очень неловкое родительское предчувствие: в стране может вырасти целое поколение детей, имеющих, к примеру, полное представление о системе залпового огня «Град», а вот цирк знающих только понаслышке. И чтобы этого не произошло, грузинский цирк решил сам пойти в народ. Как сотни лет назад скоморошествовали на площадях знаменитые «берики», так и сегодня веселит людей единственная в Грузии труппа артистов передвижного цирка-шапито во главе с ее командором Джано Джимшелеишвили. Артистам он отец родной. И как полагается хорошему главе многодетного семейства обязанности свои согласно статусу несет ненормально. Я своими глазами видел, как Джано, сжав кулаки, защитил молодого гимнаста Заура Двалишвили от представителя власти. К сожалению, власть, особенно силовая, не всегда права, и, нарушая порядок, скажем так, заведенный в чужом монастыре, крепко ошибается, когда ее призывают к порядку. Заур Двалишвили призвал – не ходите, дескать, в грязных башмаках по чистому манежу – и чуть было не поплатился за справедливое замечание. Одергивать представителя власти никак нельзя... Цирк – да и только! Мог бы превратиться и в ринг, кабы не крепкие кулаки Джано Джимшелеишвили.

Вообще-то Джано, конечно, предпочитает заступничество иного рода. Например вместе со своей супругой, красавицей Розалиндой Шароян он взял на себя ответственность перед Богом за судьбу братьев Левана и Дато Джалагония. Эти симпатичные парни из Чхороцку – прямое воплощение мечты Федерико Феллини, так и не ушедшего в детстве тайком от родителей с артистами бродячего цирка. А Леван и Дато ушли, правда, с родительского благословения, согласно их страстному стремлению вырасти из униформистов в классных циркачей. Кроме как семиметровой арены командора Джано, этого замечательного рыцаря грузинского циркового ордена, другой школы сегодня в стране не существует. Эту школу прошли и Заур Двалишвили, и акробатка Тея Шекиладзе, и Ираклий Купуня – мотоциклист, он же жонглер, он же наставник

трехлетней медведицы Друнчи.

Стального кольца в ноздре у косолапой артистки нет. Гуманные принципы дрессуры в нашем шапито, разумеется, взяли верх над суровой цыганщиной. А умных представителей фауны здесь хватает. Лошадка-пони наступает на пятки горделивой ламе, пудельки резвятся в компании со шпицем и дратхааром, тридцатикилограммовый питон – не кастрат ведь! – нет-нет да поглядывает на нимфетку игуану... И всей этой живностью командует Розалинда Шароян, совмещающая с высококлассной дрессурой к тому же профобязанности шпрыхсталмейстера, то бишь, инспектора манежа и человеческие обязанности заботливой мамы своих бесспорных детей-артистов. Артисты отвечают дочерне-сыновней любовью к Розалинде и доброй опекой четвероногих братьев меньших, которые помимо чуткой ласки да калорийной кормежки нуждаются в защите от недобрых форс-мажорных обстоятельств.

Об этом горько вспоминать, но именно чья-то недобрая роковая халатность стала причиной прошлогоднего пожара в зимнем Бакуриани, когда ночной татью прокрававшийся огонь погубил мартышек, собачек, вранчика и питона. Пожарные прибыли слишком поздно, мало чем помогли циркачам, самим погасившим пламя свежеснеженным январским снегом.

Печальные глаза Розалинды Шароян увлажняются, и она в пику доказательствам человеческого несовершенства, рассказывает о сердобольном благонравии монахинь цаленджихского женского монастыря. Они приютили осиротевшую маленькую медведицу Друнчу, выносили и передали Ираклию Купуня.

«Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно», хотя глупо было бы отрицать, что по жизни плечом к плечу они идут одной дорогой и порой жестокость оттеняет неизбывную силу все того же человеческого добра. На память приходит феллиниевская «Дорога» и блуждающие по дорогам своих судеб цирковые скитальцы – Джельсомина, Дзампано, Магго, – беснующиеся, умиротворенные, но так и не обретшие желанного конечного счастья. Да и достижимо ли оно, если по-прежнему предел обывательских мечтаний сегодня – испанский черный унитаз, а вот для героев этого очерка биотуалет, газовая плита и сон в прицепном вагончике – естественные радости их жизненного пространства, постоянно ждущего нового движения. И в этом плане они – последовательные «берштейни-

▼ Ираклий Купуня с медведицей Друнчей

▲ Джано Джимшелеишвили и его труппа

анцы»: конечной цели нет, есть только перманентное движение к ней. Впрочем, и промежуточные цели жизненной программы бродячих артистов заслуживают безусловного уважения.

Циркачи-контрактники, минчане Ольга Суббота и Алексей Шилай – молодожены. А что такое семейная жизнь по очень большому счету? Ну, конечно, – бочка дегтя с ложкой меда в количестве тридцати календарных дней первого месяца супружеской жизни. Ребята решили увеличить порционное счастье до размеров столовой ложки и вместо одного месяца медовыми сделать целых девять. Ровно столько продлится их гастрольное путешествие по Грузии в составе каравана трейлеров, ведомого водителем-махаробели Авто Чантуридзе. Промежуточная цель молодоженов – увидеть красивую страну Грузию – будет достигнута. А дальше снова в путь. Наверное, уже по дорогам другой страны. А Грузия бесстрашной воздушной гимнастке Оле и жонглеру Леше запомнится навсегда. Зрительскими восторгами, теплом людских сердец, свадебным торжеством – устроить его коллегам Джано Джимшелеишвили посчитал своим долгом.

Вообще-то Джано, знатный организатор, бывший директор Кутаисской филармонии, щедр на всяческие приятные сюрпризы. Видимо, еще с той поры, когда, согласовывая с аттракционом Игоря Кио условия гастролей в грузинской глубинке, перенял у великого иллюзиониста опыт привнесения в унылую обыденщину прелестей почти по-пушкински нас возвышающего обмана. И это не взгляд сквозь розовые очки. Это красота, как говаривал Оскар Уайльд, в глазах смотрящего. Ведь если взрослый зритель не будет смотреть на цирковое действие глазами ребенка, он увидит в нем только настойчивые попытки задержавшихся в росте людей срубить деньгу нетрадиционными способами.

Но если он посмотрит на жизнь глазами клоуна Анзора Ходжашвили, то даже не читая Генриха Белля, поймет, что полуторачасовое представление в шапито есть не что иное, как возвращенное в детство мгновение. Конечно, не во времена Алекса Цхомелидзе, знаменитого коверного начала прошлого века из цирка братьев Никитиных, так далеко заглядывать уже некому...

Но лет этак на сорок назад – пожалуйста!

Там, в глубине тех лет – бесподобные антре клоуна Сандро Тедиашвили, не менее блестяще ассистировавшего своему тезке Сандро Дадешкелиани. Кто видел, тот помнит, что творил на манеже этот бывший плехановский «асоциальный элемент», талантом и судьбой отдаленно похожий на Сашку-скрипача из купринского «Гамбринуса». Кстати сказать, Сандро Тедиашвили был учителем Ходжашвили в тбилиском эстрадно-цирковом училище до того, как Анзор стал сначала акробатом на подкидных досках, а потом клоуном-весельчаком Чичи, любимцем детворы.

Сын Анзора, черноглазый, вихрастый Давид колесит вместе с отцом по стране, спит в купейном отсеке переоборудованного под «отель» «Икаруса», при надобности помогает натягивать палатку шапито, но наследовать отцовскую профессию пока не собирается. И клоун Чичи не настаивает. Потеряю, говорит, сына, если его манеж у меня отберет.

Вот уже пятый год грузинский передвижной цирк шапито «Джано и компания» ближе к лету возвращается в свой порт приписки – Батуми. Летний сезон проводит он в здании местного циркового стационара.

С приходом осени его снова будут ждать дороги...

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

КОЕ-ЧТО О СТАРШЕМ ДРУГЕ

▲ Реваз Инанишвили с грузинскими писателями. Тбилиси. 70-е годы

20 лет назад ушел из жизни замечательный грузинский писатель Реваз Инанишвили. Памяти мастера прозы была посвящена научная конференция Института грузинской литературы имени Г.Леонидзе, отдельной книгой изданы материалы, посвященные его творчеству.

Публикуем воспоминания писателя Эмзара Квитаишвили.

Не раз мне доводилось писать о Ревазе Инанишвили. И неизменно произведения этого тончайшего мастера художественного слова вызывали мое восхищение. Поразительно богатый язык, глубина мысли, живописность и выразительность его образов и пейзажей – все находило живой отклик во мне. Признаюсь, что не раз тайком от самого себя я утирал слезу, читая его рассказы и новеллы, и причиной тому – талант, дарованный ему Богом.

Наше знакомство, скоро перешедшее в дружбу, началось с университетской скамьи, в 60-е годы. Помню в студенческом литературном кружке мне дали почитать его стихи. После обсуждения Резо вручил мне лист бумаги, на котором он изобразил меня, худого, с шевелюрой, в черном пиджаке, и с улыбкой сказал: «Это тебе на память». Я поблагодарил его и унес рисунок домой. К сожалению, впоследствии рисунок затерялся среди бесчисленных рукописей и книг.

Годы спустя два любимых мною человека оказались соседями – Резо Инанишвили и Гиви Гегечкори, которые получили квартиры в новом доме на улице Канделаки. Гостить у них для меня было праздником. Мы читали стихи, спорили, беседовали часами, неторопливо попивая чудесное вино, которое делал сам Резо в своей родной деревне Хашми. «Это настоящее счастье, когда на одном с тобой этаже живет такой человек как Резо Инанишвили», - говаривал часто Гиви. Одно из лучших своих стихотворений Гиви посвящал Резо. Увы, оба они покоятся теперь в безмолвной обители Дидубийского пантеона.

Именно годы жизни на Канделаки, 65 оказались для Реваза самой плодотворной порой, порой его творческой

зрелости. Именно тогда он создавал один за другим свои шедевры. Журнал «Цискари», один из тех, которые знаменовали собой яркую эпоху 60-х, редактировал тогда Джансуг Чарквиани, я заведовал отделом прозы, а Гиви Гегечкори – отделом поэзии. Новые рассказы Резо первым читал его сосед Гиви и на следующее утро приносил их в редакцию. В номерах «Цискари» один за другим появлялись «Датиа и Гогиа», «Освобожденная вода», «Наша коровушка Маиса», «Мать Мариам», «Далекая белая вершина», «Черные ворота», «Смерть Барбаре Бадиаури», «Джаргвале», «Красный лист клена» и многие другие рассказы. А вскоре весь этот цикл Резо объединил в книгу «Зарисовки вечерней поры». В 1971 году эта книга, великолепно оформленная художником Тенгизом Мирзашвили, вышла в издательстве «Накадули». Редактором ее была большая поклонница таланта Резо – Лола Кадагишвили. У меня хранится один экземпляр этой книги с авторской надписью. Раскроешь ее на любой странице – и вдруг очутишься в совершенно особом мире. Прочтешь фразу – «Грустная арба медленно едет из большого леса» - и подумает: несколько слов – а уже картина, уже настроение и мелодия... Или вот описание: «Грязь здесь похожа была на размякшее мыло. Голые ноги с ужасающей легкостью погружались в нее, воздух был плотным, как яичный белок, только более синий, и колебался, как медуза в загрязненной нефтью воде порта».

Богатый язык инанишвилевской прозы, ее поэтика, думается, должны стать объектом пристального изучения.

Помнится, мы вместе с Резо смотрели в кинотеатре «Аполло» фильм японского режиссера Акиры Куросавы «Голый остров» о жестокой, бескомпромиссной борьбе человека за существование со стихийными силами природы. Мы смотрели, как обливающиеся потом крестьянин и его жена пытались дать жизнь слабым росткам рассады на каменистой почве. Этот превратившийся в символ эпизод нас обоих потряс до глубины души. Резо, которому хорошо знаком был крестьянский труд, ошеломленный вышел из зала. «Такого сильного впечатления я давно не испытывал», – проговорил он, потирая лицо натруженными руками.

Лишь он один мог написать идеальный сценарий «Древа желания».

Его, наследника прозы Георгия Леонидзе и Важа Пшавела, никто не мог бы учить знанию природы, я всегда лишь удивлялся откуда он знал и как запоминал названия такого множества растений, трав, птиц, животных. Однажды он сказал мне: «Ты не представляешь, как я измучился, стараясь передать движения зяблика, когда он в полете сжимает крылья и издает отрывистые звуки».

Резо нелегко было переубедить, у него все было продумано до тонкостей. Однажды в «Цискари» мы готовили к печати небольшую статью Резо, в которой он выразил свое отношение к современной грузинской поэзии. В конце ее он писал, что в юности писал нерифмованные, свободные стихи и цитировал одно из своих стихотворений, довольно длинное, и я решил сократить его. Гиви Гегечкори предупредил меня: «Лучше не делай этого, Резо обидится». Но я все же позвонил ему. Резо ответил непреклонным тоном: «Не трогай, как написано, так и оставь».

Душевным настроем, легкостью, прозрачностью фразы, полутонами, всем изяществом стиля Реваз Инаншвили больше других грузинских писателей походил на Нико Лордкипанидзе. И не случайно, что одному из лучших своих произведений – «Смерть Барбаре Бадиаури», он предпослал слова: «Посвящаю памяти «Женщины в платке» Нико Лордкипанидзе». Персонаж рассказа Н.Лордкипанидзе для него обернулся реальной личностью.

О том, какой силы и масштаба писатель Реваз Инаншвили, явствуют нижеприведенные образцы его прозы. Это небольшой рассказ «Пан», основанный на реальных фактах, который с удивительной живостью раскрывает труднодостижимую для окружающих натуру Галактиона Табидзе. Вот его сюжет. Бедный писатель снимает дешевую комнату в непрестижном Нижнем Цхнети для того, чтобы вывезти на свежий воздух больного ребенка (указана и дата – июль 1957-го). Так как в этой комнате не было никаких условий для работы, он поднимался высоко в лес, где и нашел небольшую пещеру и там работал. Перечислены написанные в этой пещере рассказы: «Кутеж с кахетинцами», «Вокруг тебя» и другие. Писателя очаровывает лесная тишина, чистота сверкающего как хрусталь воздуха и земли, которая и в дождь не превращалась в грязь («в лесу не было грязи, грязь создает человек»). Во время одного из восхождений он заметил в стороне небольшой хоронид прекрасных девушек и юношей гномов. С того дня он их ищет и не может найти, словно небо их сокрыло.

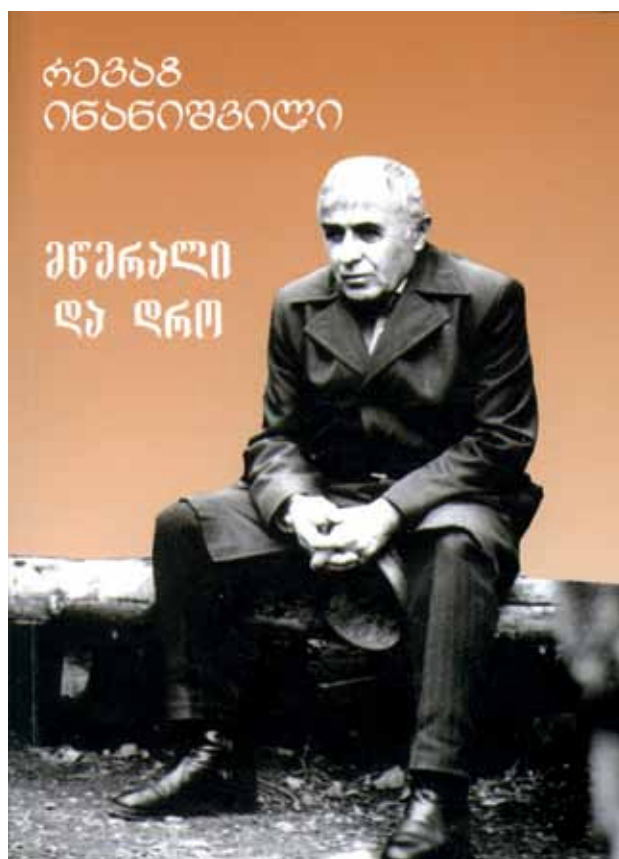
Однажды, возвращаясь после бесплодных поисков в пещеру, он оказался перед настоящим чудом, мифическим видением. Но лучше послушать самого автора: «Зато в этих поисках я встретился с Паном. Он сидел на корточках возле почерневшего валуна со спутанными волосами и бородой, вцепившись обеими руками в мох.

Казалось, он читает какую-то молитву, медленно покачивая головой. Я прислушался. И мне почудились какие-то тихие звуки, словно последний аккорд то ли песни, то ли стиха. Я огляделся. И показалось мне, что очень темно, и с деревьев каплют черные капли. Непонятный страх объял меня. Я круто повернулся и почти бегом пустился вспять. Лес остался позади.

Через несколько дней, когда солнце ослепительно сияло над головой, я набрался духу подняться туда, к тому почерневшему валуну. Там не было ни души. На земле играли плоские пятна солнца. Я нагнулся, притронулся к валуну. И вдруг глаза мои словно обожгли выцарапанные каким-то острым предметом на камне буквы «Галактион».

В конце герой рассказа с грустью и сожалением признается, что с того дня он «не смог написать ни строчки».

Нельзя не сказать несколько слов и о рассказе «Черт». Это один из поздних рассказов Реваса Инаншвили, удивительно прозрачный, как воздух одной из исторических провинций Грузии – Тушети, куда переносит нас автор. Услышишь это слово, тотчас перед взором встанут гордо возвышающиеся «вершины, хвойные леса, камнем строенные дома...», сказочные места, которые всю свою жизнь живописал несравненный Тенгиз Мирзашвили. В его палитре и красота спелых плодов шиповника и белизна снегов вершин и цвет плодов мушмулы. Резо и Тенгиз, или как называли его друзья и коллеги, Чубчик,

оба выделялись сочностью красок и оба были родственны Нико Пиросмани, что неоднократно проявляется в творчестве каждого из них.

Рассказ «Черт» имеет форму письма, он читается очень живо. Героиня его, женщина-фольклорист, годами путешествующая по аулам Северного Кавказа и горам Восточной Грузии, пишет письмо своей подруге. Она

описывает тихую и грустную жизнь Тушети, где даже маленькие девочки сидят молча и вяжут, работой прогоняя грусть. Описывает как тушинки, запертые зимой в своих домах, в сумерки ждут не дождутся гостя – как кинокадры разворачиваются перед читателем картины, происходящие по вечерам на сельской площади: поет тушинская гармонь, льется песня и мелькают в танце фигуры юношей и девушек. «Совсем внизу, в высоких травах маленький водоем около двух метров ширины, но вода глубокая и чистая. В ней живет одна-единственная форель. Приходит порой старуха – как не от мира сего, – садится на берегу и сыплет в воду хлебные крошки для форели. А форель неторопливо, лениво их поедает».

И вот в эту деревню в один из дней, когда шел и таял снег, пришли двое лезгин: юноша Али и девушка Фатьма. Ему – восемнадцать, ей – шестнадцать. Они полюбили друг друга, но родители (люди старого закала) не дали согласия на брак. И они убежали в тушинскую деревню. Среди собравшихся на площади выделяется одна девушка Лела, которая уже хорошо знает Фатьму. Лела играет на гармонии и поет хватющие за душу песни. За одной песней следует другая. Али, очарованный ее пением, делает знаки Фатьме, чтобы и она спела. После уговоров она соглашается. Фатьма оказывается тоже замечательной певицей, происходит как бы состязание между двумя удивительными дарованиями. Кажется в лунном свете тихо звенят мерцающие жемчужины: «Фатьма подняла высоко голову, прикрыла глаза и запела, но как запела! Передать это я не в силах. Как умещалась в этой хрупкой миниатюрной девушке такая огромная тоска – тоска сестры, тоска матери, тоска жены!.. Как могла 16-летняя девушка прочувствовать и выразить эту тоску и выразить со спокойствием умудренной жизнью женщины. «Ай, лах-лах-ла лай...» – звучал ее бархатный голос.

Как потревоженные кони, переминаются с ноги на ногу, стоявшие в стороне мужчины. Она умолкла, открыла глаза, улыбнулась, обессиленными руками отодвинула от себя гармонию.

- Еще, еще, - просили ее.

- Нет, - и она сжалась в тулупчике как в гнезде.

Острее всех силу ее песни почувствовала Лела. Она бросилась перед ней на колени, поцеловала в лоб, благодаря за блаженные минуты. Теперь черед был за Лелой. Она не хотела петь: «Разве могу я после Фатьмы?» Неохотно перебирает она пальцами клавиши гармони, тихо заводит откуда-то издалека. Но постепенно зажигается, и боль ее сердца начинает звучать.

Вот две строфы из ее песни:

О, дорогая матушка,
Какой огонь горит в моем сердце!
Пуговицы моего воротника
Плавятся одна за другой...

Далее должен привести авторский текст, чтобы этот удивительный рассказ не утратил своего нежнейшего лиризма, красочности, порой – безумных порывов бушующей бури... Существует реальность, описанная языком большого мастера, не требующая никаких разъяснений:

«Это был плач женщины, лишенной мужа, в ливень, ветер, во тьме бредущей к отчужденному дому, слезы которой плавают пуговицы ее воротника.

Мне доводилось слышать многих наших женщин-песенниц, но Лела в тот вечер всех затмила. Я смотрела на Фатьму. Она обеими руками крепко сжимала ворот тулупчика, дрожала как от холода, и глаза ее сверкали.

Лела умолкла. Всю душу свою выложила и нас словно опустошила. А Фатьма, знаешь, отбросила тулупчик, встала и пошла широким вольным шагом. Пройдя немного, обернулась и прокричала что-то по-своему. Али засмеялся, громко, от души. Потом перевел нам: «Чертовка эта Лела, черт в ней сидит». Фатьма скрылась за поворотом. А Лела молчала и улыбалась так, точно вправду черт в ней сидел. «Она меня опередила, - сказала Лела, - это я ей хотела сказать, да не осмелилась, а она сказала».

Мужчины растеряно похаживали в стороне.

В ту ночь я почти не спала. Ты знаешь, о чем я думала после этих песен. Утром встала я затемно. Вышла, осмотрелась и вижу вдруг: напротив, на той стороне по зеленому склону катятся двое, обнявшись крепко: юноша и девушка. Катились, катились и скатились донизу. Некоторое время оставались на месте. Потом уселись, стали смотреть друг на друга и смеяться. Юноша был Али. Девушка – Фатьма.

Если есть что-то, ради чего стоит жить на этой земле, верно ради такого вот зрелища, моя дорогая сестра!»

Как мы уже знаем, все описанное в этом рассказе происходит в краю обособленном климатом и рельефом, в высокогорье Грузии. И, тем не менее, он перекликается с теорией «дуэндэ» Федерико Гарсиа Лорки. Без «дуэндэ» нет высокого искусства, хотя он «сжигает кровь» и «изматывает артиста».

Творчество Реваза Инанишвили – это огромное духовное богатство, которое оставил он нам, и мы еще не осознали и не оценили, каким сокровищем обладаем.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Реваз ИНАНИШВИЛИ

ЛЕБЕДИ

Злата Прага. Знаменитый град пражский. Золотые шпили королевского дворца, кресты церквей гордо врезающиеся в небо.

Моросит. В этот печальный дождь к красивейшей колокольне розовой церкви стекаются еще более печальные люди. Идут к простому обелиску (некрашенный цемент высотой в полтора метра) в окружении невысоких темных деревьев. Пожилые мужчины, подходя к обелиску, обнажают головы и останавливаются. На обелиске надпись: «Солдату Белякову, погибшему за освобождение Праги». Щемящие и в то же время волнующие слова.

Фашистов погнали из Праги. Погибло и было ранено бесчисленное количество людей. Здесь, в зданиях монастыря на площади размещался госпиталь. В госпитале на одной из коек умирал прекрасный юноша Беляков. Он знал, что умирает. Единственным утешением ему была музыка, доносившаяся с колокольни, когда там били часы. Беляков попросил, чтобы его похоронили здесь же, чтобы он вечно слушал чудесные звуки. Его желание исполнили. Но с ним рядом похоронили и мно-

гих других. Получилось целое кладбище.

Когда все кончилось, улеглось, все могилы перенесли. Оставили только Белякова. Он так же покоится здесь, у подножья колокольни, в окружении невысоких деревьев...

Я стоял перед обелиском и благословлял тех добрых людей, которые сделали это.

И – удивительное дело!

Прилетают сюда лебеди. Стая в пятнадцать лебедей. Белые и фантастические в сером небе!

Белые птицы, вытянув длинные грациозные шеи, с тихим шелестом крыльев, молча, неспешно облетали колокольню розовой церкви, и в это время зазвучала музыка. Потом часы на колокольне пробили двенадцать. Отзвучал последний удар и снова зазвучала музыка.

А лебеди продолжали летать.

Не знаю почему – да и как понять! – но мне показалось, что лебеди принесли что-то хорошее, что-то светлое в своем полете туда и обратно...

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

▲ Владислав Бахревский

СКАЗОЧНИК В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Недавно в Тбилиси собрались известные представители науки, писатели из восьми стран постсоветского пространства. Они были приглашены на масштабный форум «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа», организованный Ассоциацией русскоязычных литераторов и деятелей культуры «Новый современник», при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. В условиях политического обледенения русскоязычные писатели и деятели культуры сумели не только «пробить лунку» в толще этой мерзлоты, но и в значительной мере растопить ее, продемонстрировав завидный масштаб, высочайший профессиональный уровень и, самое главное, неизбывное желание общения, вне всякой идеологической зашоренности, во имя торжества духовности и просвещения.

Одной из самых известных персон-участников форума был видный прозаик, знаток истории русской церкви Владислав Анатольевич Бахревский. В его докладе на проведенной в рамках форума научно-практической конференции «Страны постсоветского пространства: взаимопроникновение культур» были озвучены проблемы современной детской литературы. И ничего в этом нет удивительного. Владислав Анатольевич начинал как детский писатель, является автором уникальной скороговорки «Говорит Попугай Попугаю: «Я тебя, Попугай, попугаю!» Отвечает ему Попугай: «Попугай! Попугай! Попугай!»

Владислав Бахревский родился в 1936 году в Вороже. С 1948 по 1975 г. жил в Орехово-Зуеве, закончил здесь пединститут.

Ко дню празднования своего 75-летия Владислав Анатольевич являлся уже автором более ста книг, среди них – завоевавшие заслуженное признание исторические романы «Василий Шуйский», «Смута», «Свадьбы», «Долгий путь к себе», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы», «Столп». Каждый роман самостоятелен, и в то же время весь цикл – это единое произведение.

Наша беседа состоялась в автобусе, по дороге в Мцхета и далее – в Кахетию. В программу экскурсии входило посещение Светицховели и Джвари, усадьбы тестя А.С. Грибоедова, князя Александра Чавчавадзе в Цинандали, храма и усыпальницы Святой Нино – Просветительницы Грузии в Бодбе, монастырского комплекса XI века Алаверди и других святынь и памятных мест. Это путешествие восхитило Владислава Анатольевича, впервые приехавшего в Грузию, и на мой вопрос, какие эмоции он испытывает, ответившего весьма поэтично:

- Какие могут быть эмоции у сказочника, оказавшегося в сказке! Вот стоим мы теперь в том самом месте, где «сливаясь, шумят струи Арагвы и Куры», и я в детстве. Здесь же Лермонтов стоял. Грузия для русского человека начинается с Пушкина и Лермонтова. А сказка со мной поздоровалась в Тбилиси. Домики над Курой, которые вы назвали «ласточкиными гнездами». В низине места много, но тбилисцы предпочитали «прилеплять» свои жилища к скалам... Это же мир горцев. Горцы – в моем детстве то же, что море.

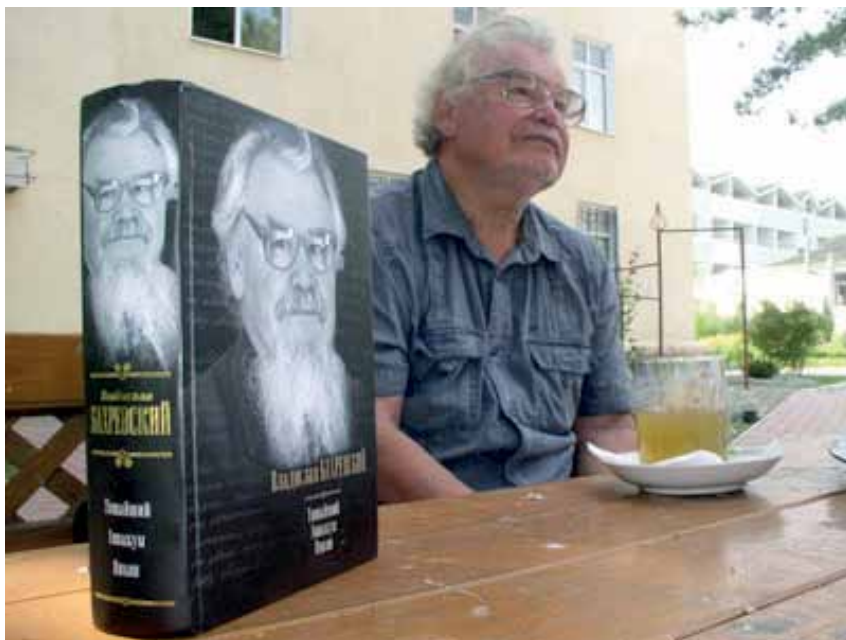
- Удивительно, что вы впервые оказались в Грузии в столь почтенном возрасте.

- Всю жизнь собирался приехать в Тбилиси. Здесь жил мой двоюродный брат, который бывал у нас. Путешествие на Кавказ – одно из чудес русской литературы – я оставлял как бы «на сладкое». Грузия пришла в мою жизнь на Веселом кордоне (Рязанская земля) в пять лет. Тогда все читали роман-газету, где печатался «Великий моурави», а «Сулико» во мне с младенчества. Отец

играл на гитаре и пел.

- Когда вышла ваша первая книга?

- Повесть «Мальчик с Веселого» попала в сборник «Первое знакомство». Так что печататься я начал в Детгизе. Тотчас ее выпустили и отдельным изданием. Это было в 1960 году. Директор издательства Константин Пискунов пригласил меня, 23-летнего, к себе в кабинет и сказал: «Вы – детский писатель от Бога». На что я умудрился ответить: «Больше не буду писать для детей. Написал, чтобы прорваться». На деле выпустил в Детгизе 5 книг, а потом принес в издательство «Молодая гвардия» книгу для юношества. Это была «Хранительница меридиана». Заголовок по короткому рассказу об Улугбеке – о моей любви к Средней Азии. Книга понравилась читате-

лям, но главное, издателям. Редактор Адель Алексеева задумала серию книг «Пионер – значит первый». Меня спросили: «О ком бы ты хотел написать?» А мне хотелось видеть страну. Ответил: «О Семене Дежневе» (в 6-ом классе делал доклад о землепроходцах). Знал: на карте Чукотки есть мыс Дежнева. Вот где надо побывать. Книга «Хождение встреч солнцу» получила премию Госкомиздата РСФСР, выдержала семь изданий, общий тираж – полмиллиона.

- Глядя на ваше творчество, видишь: у автора особый интерес к XVII веку.

- У меня были две причины переселиться в XVII век на целых 35 лет. В семье был запрет спрашивать о дедушке Евгении, об отце отца. Я учился на третьем курсе института, когда мне доверили, наконец, семейную тайну. Пятеро братьев моего деда были священники, а он, рабочий ружейного завода в Ижевске, был революционером. Избегая ареста, вернулся на родину, в село Деяново Нижегородской области. Его женили на дочери дьякона. Через мою бабушку Екатерину мы в родстве с протоиереем Его величества Константином Розовым, великим басом России. После революции дедушку звали в комиссары, возглавить народное образование, но он принял сан, стал священником, «тихоновцем» (патриарх Тихон проклял большевиков) и погиб в лагерях. Узнав все это, я захотел написать всю правду о патриархе Тихоне, о моем дедушке, о Константине Розове – он единственный в нашей церкви имеет сан великого архидиакона.

Чтобы писать, надо знать. Когда я приходил к батюшкам и говорил: хочу написать книгу о патриархе Тихоне – от меня отшатывались. Ради знаний о нашей церкви решил писать о XVII веке. XVII век для русского самосознания и для русского государства – ключевой.

- Я слышал, вы неодобрительно отзывались о Петре Великом...

- Да. И это вторая причина моего интереса к XVII веку. Нам с детства внушают мысль о великой миссии преобразователя Петра. У меня есть роман «Утаенный царь» (часть «Столпа»), напечатанный в «Роман-газете» и получивший премию этого одного из самых массовых в России изданий. «Утаенный царь» - старший брат Петра I Федор Алексеевич, который в свои 17 лет (на престол вступил в 14, умер в 21 год),

осуществил все реформы, которые впоследствии повторил, но уже с топором в руках Петр I. Не с топором плотника – головы рубил... Кстати, о флоте. Воронежцы, а я родился в Воронеже, гордятся, что в их городе Петр построил корабельные верфи. Это так. Но почему-то мои земляки не помнят: до Петра в Воронеже царь Федор Алексеевич построил 150 кораблей. Это он ввел короткий кафтан. Устроил армию по европейскому образцу. И главное, освободил Россию от местничества. Что такое местничество? Скажем, идет на Москву в набег крымский хан. Царь посылает войско. Командуют воевода и товарищ воеводы (это такой чин). Товарищ воеводы вдруг объявляет: «мой род старше рода воеводы. Под его началом мне служить невместно. Порука роду». Бросил войско и уезжал. Царь Федор покончил с этой бедой боярского чиновничества. И еще царь-мальчик начал строить каменную Москву. Деревянная сгорала по два раза в год со всеми своими богатствами. Деньги-то, валюта русская – это ведь были соболя и рыбий зуб – клыки моржей.

И еще царь-мальчик начал строить каменную Москву. Деревянная сгорала по два раза в год со всеми своими богатствами. Деньги-то, валюта русская – это ведь были соболя и рыбий зуб – клыки моржей.

- Но если Петр I, по вашему утверждению – дутая фигура, то кто же тогда изменил исторический путь России, кто, по выражению Пушкина, «прорубил окно в Европу»?

- Исторический путь России император Петр не менял, но извратил. Вместо русской жизни – жизнь немецки, по-французски, в париках, в чулках, в корсетах. Маскарад на полтора века. Рабство народа на полтора века, на полтора века отказ от русского языка. Фигура Петра для России – страшная. Издевательски уничтожил патриаршество. Убил сына. Здесь своя мистика. Имя Алексей переводится, как «защитник». Защитника России уничтожил Петр. На престол посадил не внука, но жену-немку. Ненавидел все русское. Россия после его смерти не досчиталась почти четверти населения. Крестьян.

Петр создал флот, армию, науку, Петербург... Петр преобразовал, прорубил... Реже вспоминают, сколько народа перевешал, уморил голодом, и почти совсем ничего о насаждении разврата. Славит Петра Пушкин. Царь Николай I мечтал быть похожим на великого царя-исполина. (В скобках заметим. Лев Толстой, ближе узнав петровские деяния, ужаснулся и не стал писать о Преобразователе. А Николай II стремился походить на царя Алексея Михайловича.

Никакой критикой, а тем более правдой – внушенное

и постоянно внушаемое не перебороть – я решил показать, какой была Россия до Петра. Ведь все территориальные обретения – север Сибири, Колыма, Чукотка, Камчатка, земли по Амуру – Россия получила при царе Михаиле и царе Алексее Михайловиче. Это Алексей Михайлович принял под свою государеву руку Украину и Белоруссию. Петр отвоевал у шведов болота и выход к Балтийскому морю. Кстати, эти земли он готов был вернуть

Карлу XII, когда проиграл войну на реке Прут. Шафиров от позора спас.

- Владислав Анатольевич, а как вы работаете над большими полотнами?

- Ответственность за слово та же, что при написании миниатюры. Каждое слово на виду и очень дорого. А сбор материала определяет тема книги. Когда я писал «Савву Мамонтова», прочитал все, что имел Архив литературы и искусства о великом меценате. В конце XIX века Мамонтов был знаменит, как в наше время Гагарин. Он своей Архангельской дорогой открыл для России Север.

Итак, о сборе материала для книг. Когда писал повесть о XVII веке «Сплошный колокол», приехал во Псков, пришел в Поганкины палаты. Хранитель архива Леонид Творогов показал мне на вереницу шкафов: «Здесь он, XVII век. Прочитать рукописи возможно за сто лет ста исследователями».

Эпопея «Святейший патриарх Тихон» привела меня на Лубянку. Мне дали посмотреть 24 тома «Дела патриарха Тихона» из 26. В этой работе моей много мистического.

Я закончил орехово-зுவевский пединститут в 1958

году. Поехал в Оренбург, работал в сельской газете, выдержал творческий конкурс во ВГИК, сдал экзамены, но меня не приняли. Диплом филолога уже имел. Искал в Москве работу корректора. Зашел в редакцию журнала «Пионер». Бенедикт Сарнов, известный критик, посмотрел стихи: «У тебя про скворечники, а мы сдаем осенний номер. Иди к Симе Соловейчику». Соловейчик, узнав, что я связан с народным театром, загорелся: «Напиши о детской студии, но так, чтоб самому было интересно». Очерк напечатали. Меня отправили в командировку. В Оренбуржье начинали строить город Гай. Приехал, а вместо города – колышки, разметка будущей улицы. Начальник комсомольского штаба в солдатской гимнастерке, демобилизованный из армии Виктор Поляничко.

К работнику ЦК КПСС Поляничко я пришел уже писателем. После его звонка меня приняли в Комитете по делам религий. В отделе православия мне задали вопрос: «Вы хотите развенчивать религию?» Ответил прямо: «Я хочу написать о патриархе Тихоне». Обрадовались: «В Ярославле митрополит Иоанн недавно вернулся из США, был архиепископом Американским и Алеутским. Он написал сценарий о равноапостольном Иннокентии, который перевел для алеутов Евангелие».

Удивительно, но митрополит Иоанн Вендланд, оказалось, читал в «Мурзилке» мои сказки. «Я выписываю «Мурзилку», - сказал он мне. – Монахам надо знать детей, современных детей». У меня сохранились письма Владыки. Он крестил моих сыновей и, по моему настоянию, написал замечательные воспоминания.

Книгу о патриархе Тихоне я осилил, но не смог подарить ее Поляничко. Он был советником афганских президентов, когда шла война. А погиб в мирное время, в Ингушетии, в результате теракта.

- Мне доводилось читать ваш роман о патриархе Никоне. Расскажите о работе над книгами о XVII веке.

- О XVII веке я написал девять романов, четыре повести, три рассказа, две пьесы. Благословил меня на труд Владимир Иванович Малышев, создатель уникальной коллекции древних книг Пушкинского Дома. Я держал в руках книжечку величиной с ладонь, написанную в Пустозерске Аввакумом Петровым, самым великим писателем русского народа, родоначальником русской литературы. Малышев познакомил меня с Иваном Никифоровичем Заволоко, подарившим бесценную книгу Аввакума Пушкинскому Дому. А трудности в подготовке к этой работе у меня начались в Горьком. С писательской командировкой я пришел в обком узнать, как мне лучше добраться до Григорова, где родился Аввакум, и до Вальдеманова – родины патриарха Никона. И услышал от заведателя пропаганды: «Будь моя воля, я бы вас выслал из нашей области».

Но власть – это одно, а народ – другое. Виктор Кельдюшкин, житель Большого Мурашкина – учитель, поэт – сводил меня к моим героям. Вальдеманово от Григорова – в семи километрах. Позже с Виктором Степановичем мы пешком сходили к Пушкину – в Болдино, а оттуда в Дяново, где родился мой отец, где жили бабушка и бабушка, и в другое село, откуда священника Евгения Порфирьевича увезли чекисты.

- Уничтожая церковь, уничтожали Россию, но раскол – это ведь тоже трагедия русского народа.

- И государства.

- У меня от истории боярыни Морозовой – мороз по коже.

- Этой тяжелой духовной ране вот уже 350 лет. Было бы правильным прославить боярыню Морозову и княгину Урусову в сонме святых мучеников Русской Церкви.

▲ С Олегом Воловиком при награждении

Федосью Морозову и ее сестру Евдокию царь Алексей Михайлович уморил голодом.

Вместе с Леной, моей супругой – через ее руки (она печатала на машинке) прошли тысячи страниц моих книг – мы были в Пустозерске. Шестьдесят километров на лодке от Нарьян-Мара. Это за Полярным кругом.

Аввакума и его союзников инока Епифания, диакона Федора, попа Лазаря сожгли 14 апреля 1682 года. Палачей Аввакум предупредил: «Убивая нас – убьешь своего царя. Сначала мы, через две недели – он. Сему же месту быть пусто, город порастет непролазной травой». И ведь верно. Из непролазной травы ноги нам приходилось прямо-таки выдирать. В XVII веке Пустозерск был город-терем, теперь место пусто.

Мы приехали вечером, через все небо был начертан странный знак. Может, то Аввакум приветствовал нас. Кстати, царь Федор Алексеевич умер 27 апреля 1682 года. Сказанное Аввакумом перед огненной смертью сбылось.

- Предлагаю вернуться в день сегодняшний. Как вам кажется, могут ли форумы, подобные нашему, действительно повлиять на улучшение отношений между Россией и Грузией, состояние которых всеми разумными людьми признается ненормальным и неприемлемым?

- Форум «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа» на высоком профессиональном уровне поддерживает тягу наших народов к творческому общению, к творчеству как таковому – будь то наука, литература или искусство. В России государство пустило литературу на самотек, по принципу «выживайте, как хотите». Народ ответил разгулом творчества. Книги издают в малых городах, в селах, на Севере, в Приморье, всюду, где есть русские. В Казахстане, в Крыму, в Донбассе, и у вас – в Тбилиси. К сожалению, графоманов тоже плодим. Особенно это относится к богатым сочинителям. Такое время. Правительства играют в свои игры, а у народов своя правда. Духовная смерть в ближайшем будущем

нам не грозит. Наша правда – в любви, в дружбе, в творчестве.

- Владислав Анатольевич, в вашей богатой творческой биографии наверняка было немало запоминающихся встреч с личностями, имена которых у всех на слуху... Поделитесь частью воспоминаний...

- Ну, раз мы в Грузии, то давайте прежде всего о Булате Окуджаве, с которым мы работали в «Литературной газете». Расскажу вам о судьбоносном для него звонке. Как-то он попросил меня: «Надо материал сдавать, посиди у телефона, жду звонка». И звонок раздался, горланый голос произносит: «Это говорит Лиля Брик, попросите Булата Шалвовича». Булат прибежал, говорил по стойке «смирно». Начиналась его международная слава...

- А с Высоцким вас судьба сводила?

- Думаю, многим не понравится, как меня судьба сводила с Владимиром Высоцким. Но сводила. Однажды в Детгизе мне дали тетрадку его стихов на рецензию. Тетрадь открывал, волнуясь. А стихи о двух мальчиках. Они счищают со спичек серные головки, заряжают бетономешалку и на этом «космическом корабле» отправляются в путешествие по Вселенной. Причем Высоцкий был к тому времени автором многих песен. Ну, что было делать? Написал правду, как есть. А за правду, как говорят турки, выгонят из ста деревень. Мне рассказывали, что он был рассержен, обещал меня поколотить. Но поэма так и не увидела свет.

Наше общение с Владиславом Анатольевичем возобновилось перед его отлетом, выразившись в договоренности присылать в «Мурзилку» переводы грузинских сказочников и детских поэтов, «по которым Россия соскучилась». Что и было мной сделано, и, как написал мне Владислав Бахревский, принято к публикации на редколлегии. Единогласно.

Владимир САРИШВИЛИ

В ЗАЩИТУ МОГУЧЕГО

Вечер, посвященный десятилетию Союза русских женщин Грузии «Ярославна», прошел в Тбилисском русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова. За столь недолгий срок организация проделала грандиозную работу. Это и гендерная программа, стимулирующая рост уровня образования представительниц национальных меньшинств, и сохранение культурных ценностей малых народов Грузии, таких как «Сиротский дом» в селе Гореловка Ниноцминдского района – культурное наследие духоборцев Грузии, и ежедневная работа по защите прав женщин.

Как заметил председатель Пушкинского общества русскоязычных журналистов Грузии Михаил Айдинов: «Мы говорим «Ярославна» - подразумеваем руководителя союза – Аллу Беженцеву – тренера по защите прав человека, обладательницу ордена Чести Грузии, ордена Екатерины II России».

В поздравительной речи президент Союза российских соотечественников в Грузии «Отчизна» Валерий Сварчук отметил организаторские способности Аллы Николаевны и поблагодарил ее за труд и дружбу. Старший советник Европейского центра по вопросам меньшинств Темур Ломсадзе вспомнил ранние годы активной работы Беженцевой. Председатель Дома езидов Грузии Агит Мирзоев назвал Аллу Николаевну героем нашего времени: «Алла Николаевна – человек, который каждый день учится и делится своими знаниями».

В этот день было подведение итогов литературного конкурса «Русское слово». В состав жюри вошли пред-

седатель профкома Союза писателей Грузии Отар Урушадзе, Михаил Айдинов и Алла Беженцева. На конкурс было представлено более 80 работ, среди которых были не только публицистика, но также и художественные произведения. Изначально было выделено три призовых места и Гран-при, но на конкурс было прислано столько качественных работ, что жюри единогласно приняло решение добавить еще шесть призовых мест, наградив дипломами Хатуну Мамниашвили, Давида Шахбазова, Светлану Мурадян, Марианну Джалалбекову, Антона Белоусова и Андро Цхведиани.

1-е место по праву заняла Екатерина Радкевич, 2-е – Екатерина Бауман, 3-е место досталось Тамар (Нино) Патаридзе, а Гран-при – Уче Авсаджанишвили. Произведения победителей конкурса будут напечатаны в октябрьском номере литературного альманаха «На холмах Грузии».

Вечер продолжился концертом, в котором приняли участие заслуженная артистка Грузии Ирма Сохадзе, исполнившая русский романс, а также «Твои глаза зеленые» композитора Нугзара Чхаидзе, победительница конкурса русских романсов «Романиада» Элеонора Киквадзе; композитор Елена Осипова исполнила песни, музыку к которым она написала на стихи Н.Гумилева. В концерте также приняли участие барды Георгий Чкония, Вахтанг Арошидзе, Эка Думбадзе, Ирина Парошина. Вечер вел публицист Роб Авадяев.

Михаил АЙДИНОВ

Марианна ДЖАЛАЛБЕКОВА

Современный русский язык является продолжением древнерусского (восточнославянского) языка. На древнерусском языке говорили восточнославянские племена, образовавшие в IX веке древнерусскую народность в пределах Киевского государства.

Этот язык обладал большим сходством с языками других славянских народов, но уже отличался некоторыми фонетическими и лексическими особенностями.

Все славянские языки (польский, чешский, словацкий, сербохорватский, словенский, македонский, болгарский, украинский, белорусский, русский) происходят от общего корня – единого праславянского языка, существовавшего, вероятно, до X-XI вв.

В XIV-XV вв. в результате распада Киевского государства на основе единого языка древнерусской народности возникло три самостоятельных языка: русский, украинский и белорусский, которые с образованием наций оформились в национальные языки.

Антон БЕЛОУСОВ

«Если ты поедешь на Кавказ, ты вернешься поэтом», – это слова Михаила Юрьевича Лермонтова. Именно так воспринимали Кавказ, Грузию и другие российские поэты – Пушкин, Есенин, Бальмонт, Заболоцкий, Ахмадулина, Вознесенский... Список этих имен можно продолжать и дальше. Все они вдыхали грузинский воздух, приобщаясь к местным обычаям и нравам, даже пытались овладеть языком и добавляли новые оттенки в свое творческое мироощущение.

Многие грузинские поэты, такие как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, получили высшее образование в петербургских вузах – это говорило о близости двух братских народов... Великий русский язык всегда считался вторым языком в Грузии. Начиная с XIX века, вся интеллигенция была двуязычной – наряду с грузинским, в ходу был и русский.

Так было в прошлом. А каково же настоящее? Увы, сейчас многое изменилось, и на сегодняшний день все достаточно печально.

Екатерина РАДКЕВИЧ

Оглядываясь назад и учитывая неоднократно возросший ныне авторитет науки, углубление научного мировоззрения, единственное, что мы закономерно можем ожидать в будущем – это дальнейшего и еще более тесного сближения общелитературного языка с языком науки. Мало кого смутят сейчас такие выражения: душевная травма, моральный вакуум, вирус стяжательства, синдром неуверенности, инфляция совести.

Как бы то ни было, русский язык – мой родной. Он – единственный, посредством которого я могу выразить именно то, что накипело и просится быть услышанным. И, конечно же, русское слово – это неиссякаемый источник вдохновения поэтов и писателей, да и простого человека. Сосуд, вмещающий в себе такое богатство, невозможно вообразить и вместить в какие-либо измеримые границы. Поэтому хочется только одного – не растерять, не раскидать по помойкам цивилизации все то, что удалось сохранить и донести до сегодняшних дней, и передать следующим поколениям с наказом: беречь это сокровище пуше жизни, так как только оно способно показать тебе, кто ты есть и откуда ты вышел.

Екатерина БАУМАН

Русский язык. А где он? Слово «лошадь» заимствовано из тюркских языков: «алаша» означало «конь, мерин». Слово «апрель» пришло к нам из латыни. В Древнем Риме в это время уже было достаточно тепло и, считают, что название этого месяца связано с глаголом «априкари» – «греться на солнышке». А взять привычное каждому слово «деньги». Оно заимствовано из тюркских языков, по-татарски «тэнкэ» – «серебряная монета», «рубль». Мало в русском языке слов, пришедших из венгерского, а все же «сабля» – одно из них. У венгров «szablia» означает резак и происходит от глагола «резать». Так что же, эти многочисленные заимствования ухудшают качество языка? Нет, наоборот, они не просто обогащают, а развивают его. Это как салат. Пусть помидоры и перец пришли в Европу из Америки, а огурцы – из Индии, это ничуть не мешает вкуснейшему греческому салату, куда входят эти и другие ингредиенты, быть визитной карточкой страны.

Сегодня можно часто услышать, что русский язык замусоривается, чуть ли не деградирует, пополняясь новыми словами, взятыми из других языков, чаще всего – из английского. Считаю, что это не так. Язык развивается, и это естественный процесс. Консервация, застой для языка подобен смерти. В разные периоды на язык влияли культуры разных народов: персов, греков, тюрок, немцев, французов, теперь вот очередь англоговорящего мира. К тому же, русский не просто слепо копирует слова других народов. Язык – как океан. В него попадают камешки с суши, а он их обтесывает, шлифует, иногда изменяет так, что они уже даже не напоминают оригинал. Камешки-слова в океане языка обрастают ракушками-суффиксами и водорослями падежей, начинают по-новому играть на солнце в причудливом, преломленном водой свете. Другое дело, что мы должны сберечь то, что у нас уже есть. Приумножать, а не упрощать. Использовать синонимы, обогащать язык.

Светлана МУРАДЯН

Русское слово... А где оно? Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Слово не стрела, а сердце язвит. Живое слово дороже мертвой буквы. На грубое слово не сердись, а на ласковое не сдавайся. Русское слово – в этих коротких пословицах.

Русское слово... А с кем оно? Москвичи растягивают слова, важно выговаривая гласные, «акают». Уральцы «проглатывают» буквы, говорят отрывисто, басом. Кавказцы коверкают предложения, придавая им то персидскую мягкость, то немецкую твердость.

Русское слово... А чье оно? Оно принадлежит тем, кто приютит его у себя. Житель далекой Азии, цивиличный европеец, предприимчивый американец. Все те, кто прилежно учил чужие звуки, практиковал речь, запомнил выражения. На всех хватило русского слова, всем пригодилось!

Задумывались ли вы когда-нибудь, каким оно, привычное нашему слуху, представляется людям других культур? Тем, кто не впитал его с молоком матери, а сделал свой, осознанный выбор в пользу хитросплетенной кириллицы. Почему именно русский язык привлек их внимание и как они планируют реализовать свои знания?

Андро ЦХВЕДИАНИ

Мы можем распространяться о любви к родному языку в порывах патриотических чувств, и это помешает нам реально оценить значимость русского слова и его скрытые действительные свойства, которые во многом соответствуют истории и менталитету русскоязычных народов. Уникальность русского языка и мировоззрения в том, что растворяя в своем общественно-культурном пространстве многие народы, мирно сосуществуя с их традициями, он наряду с английским, французским, испанским играет роль помощника. Выявиться самообытным талантам малых этнических единиц способствуют великие культуры и цивилизации.

В русской культуре давно (на протяжении веков) бурлит множество противоречий и крайностей, в которых и рождаются «высокие идеи», говоря словами князя Мышкина. И пусть русское слово такое же открытое, доверчивое, ранимое и искреннее, как незабвенный персонаж Достоевского, звучащее в наших домах голосами Шаляпина, Вертинского, Высоцкого, Башлачева и многих других не будоражит сегодняшней культурный винегрет, я уверен, что оно очень скоро скажет новую, жизнеутверждающую истину!

Тамар (Нино) ПАТАРИДЗЕ

Несколько лет назад на улицах Тбилиси почти не слышно было русской речи. Я помню случай, когда мы с мамой разговаривали на русском языке в транспорте, маме сделали замечание, что в Грузии все должны говорить на грузинском. Мама ответила, что хоть она и грузинка, но на русском языке ей говорить никто не запретит, - русский всегда здесь будет в ходу. Тогда многие спорили: отменяют русский язык в Грузии или

нет? Мама оказалась права: сейчас русская речь все больше и чаще слышится вокруг. Нас это радует, ведь запрещать учить и говорить на каком-либо языке – это же дикость, убогость какая-то.

В прошлом году был скандал, связанный с запретом на исполнение русских песен в ресторанах. Сколько передач по телевидению посвятили этой теме! С одной стороны – анекдотичная ситуация: почему только в ресторанах?! Как раз там человек имеет право слушать то, за что заплатил. Он хочет отдохнуть душой, так кто же имеет право запрещать ему это? А душа-то, вот строптивая, как назло, за вкусным столом желает русских песен – и слова нравятся, и музыка подходящая.

Но, как говорится, это было бы смешно, не будь это так печально. Ведь, с другой стороны, начав с ресторанов, могли же объявить табу на Пушкина (хотя нет, он здесь бывал, много хорошего о Грузии писал), ну, не на него, так на другого, а затем и на всю русскую литературу. И это было бы нормально?! А что тогда делать с В.Маяковским? Он же родился у нас в Грузии, в Багдади, но считается русским поэтом. Так наш он или нет?

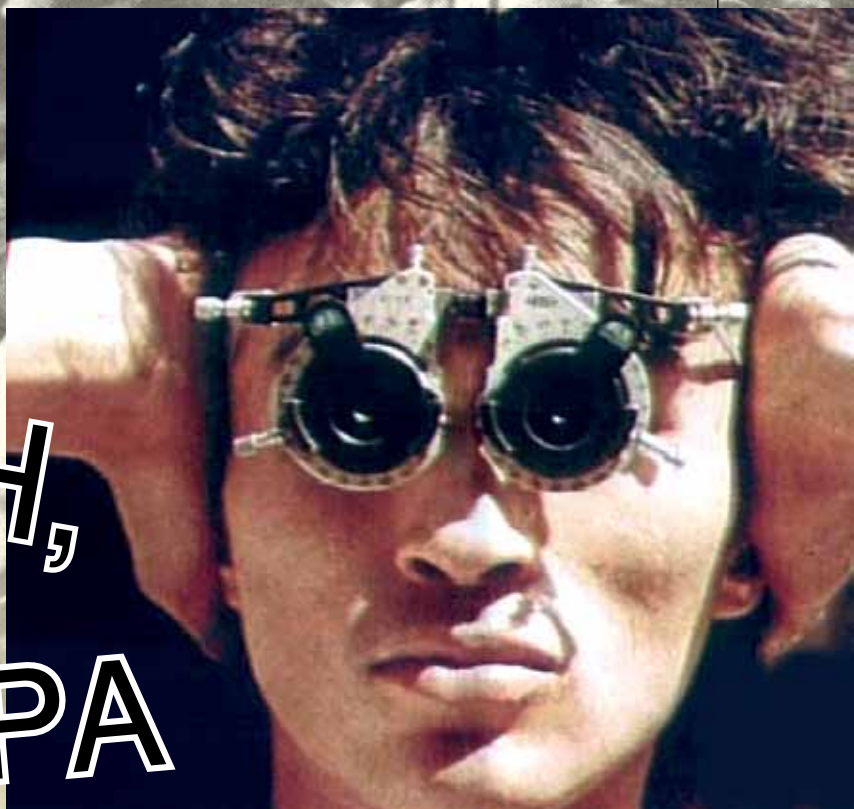
Хатуна МАМНИАШВИЛИ

О, слово русское, как дорого ты мне,
Ласкают слух твоих глубин просторы,
И верю я, ты не сгоришь в огне
Костра, разжегшего раздоры.

О, как надеюсь, что вспаряя ввысь,
Ты вновь предстанешь своим сладким звуком,
Искусство, по возможности, приблизь,
Чтоб затяжной не стала эта мука.

МУЗЫКА ВОЛН, МУЗЫКА ВЕТРА

«Живу для чего? Чтобы заниматься своим делом, чтобы было интересно жить. А каким бы хотел себя видеть? Я бы хотел не запятнать свое доброе имя, чтобы ни у кого не было повода меня в чем-нибудь упрекнуть...»

Виктор Цой

В 2010 году режиссер Рашид Нугманов снял фильм «Игла Ремикс». Версия нового времени вернула на киноэкраны лидера группы «Кино» Виктора Цоя. Его герой Моро до сих пор привлекателен своей наивностью и романтизмом. В далеком 1989 году кинокритиками журнала «Советский экран» Цой признан лучшим актером года за роль неоромантика в картине Нугманова «Игла».

Из интервью Виктора Цоя: «Герой этого фильма в каком-то смысле – человек ниоткуда. Он мне очень близок по духу... Вообще-то я не создавал ничего, просто старался быть естественным».

После выхода фильма говорили, что созданный Цоем герой – единственный в отечественном кино не тяготеет своим одиночеством и этим привлекает. Рашид Нугманов считал, что Цой был олицетворением романтизма, он был у него в крови.

*Но все, что мне нужно –
Это несколько слов
И место для шага вперед.*

Весной 1982 года ветер перемен был уже реально ощутим. И в этот период в ряды советских рок-групп вливается группа «Кино».

Из интервью Виктора Цоя: «Странно, когда ты знаешь, что можешь работать, что ты живой, а тебя не замечают и делают вид, что тебя в природе нет. А ты на самом деле просто другой, не такой, как все привыкли, – не такой блестящий, переливающийся и радующий глаз. И за это тебя исключают из поля зрения».

С выходом первого музыкального альбома «45»

каждое выступление «киношников» было энергетическим выплеском в полный голос, в полную мощь. Они не боялись быть самими собой – с ними была уверенность в том, что их услышат. И «поколение Икс, поколение Ноль» сделало свой выбор.

*Ты смотришь назад, но что ты можешь вернуть назад.
Друзья один за одним превратились в машины.
И ты уже знаешь, что это судьба поколений,
И если ты можешь бежать, то это твой плюс!*

*Ты мог быть героем, но не было повода быть.
Ты мог бы предать, но некого было предать.
Подросток, прочитавший вагон романтических книг,
Ты мог умереть, если б знал, за что умирать.*

24 июня 1990 года на стадионе в Лужниках группа «Кино» собрала 72 тысячи зрителей. Тем же летом 15 августа Виктор Цой погиб в автокатастрофе в Латвии, где записывал «Черный альбом», оказавшийся последним. «И внезапно в вечность/ Вдруг превратился миг».

Не стало Виктора Цоя и «киношники» ушли в историю, оставшись страницей в энциклопедии мировой рок-музыки. С момента его ухода и по сей день фигура Цоя словно риф кораллами обрастает всевозможными мифами. Думал ли он, что станет иконой для молодежи поколения 80-х и 90-х годов? Виктор Цой говорил в шутку, что он – сам образ.

Петербург, город проходных дворов, хранит память о своем последнем герое-романтике. В городе, объявленном им безъядерной зоной, на улице Блохина, 15 находится легендарная «Камчатка» – котельная, в кото-

▲ Знаменитая «Камчатка»

рой Цой уже будучи знаменитым работал кочегаром в течение двух лет. Здесь с его участием были сняты короткометражный фильм «Йя-хха!» Рашида Нугманова и документальный фильм «Рок» Алексея Учителя. Сегодня это клуб-музей и место паломничества поклонников творчества Цоя.

«Я пожелал бы поклонникам не делать из нас кумиров, и пусть относятся к нам, как к нормальным людям. И еще – не принимать наши песни, как истину в последней инстанции. Это всего-навсего песни, написанные на тексты одного человека, который может ошибаться...»

Ему не нравилось, если ему навязывали роль пророка и учителя жизни. Он был за свободный выбор. Считал, что тексты его песен ассоциативны и каждому человеку могут дать то, что тот хочет взять из песни. Когда становится «страшно что-то менять», когда «в глазах потерянный рай», включаешь записи группы «Кино» и слышишь «музыку волн, музыку ветра».

*Стань птицей, живущей в моем небе.
Помни, что нет тюрьмы страшнее, чем в голове.
Стань птицей, не думай о хлебе.
Я стану дорогой...*

Сергей Соловьев как-то заметил, что Виктор Цой – «музыкальный поэт. Такой же, пожалуй, как и Мандельштам».

Цой не рассматривал свои тексты в отрыве от музыки. И говорил: «Мир многолик, многолики и стихи». В поэзии Виктора Цоя не найдешь вычурных, приукрашенных фраз, в них сосуществуют простота и глубина.

*Крыши домов дрожат под тяжестью дней,
Небесный пастух пасет облака,
Город стреляет в ночь дробью огня,
Но ночь сильнее, ее власть велика.*

Бывают в жизни моменты слабости, когда завидуешь тем, «кто знает, что хочет, тем, кто что-нибудь сделал...» Тогда на помощь приходят песни Виктора Цоя с их неизменной героикой и призывом к любви. И ты осознаешь, что ты просто человек и тебе необходимо оставаться человеком вне зависимости от условий, которые диктует жизнь.

«Я совершенно монолитный», – говорил Цой друзьям. Он физически не выносил фальши. Возможно, потому и не любил давать интервью – в них всегда что-нибудь да переиначат. Самым важным для него было сохранить свое естество, внутреннюю свободу. «Когда пропадает честность, тогда уже ничего не прощают».

Оттого в его песни веришь как самому себе.

*А мне приснилось: миром правит любовь,
А мне приснилось: миром правит мечта.
И над этим прекрасно горит звезда...*

Борис Гребенщиков говорил о Цое, что «он сказал то, что, может быть, мне самому хотелось бы сказать, но у меня такого голоса нет, а ему он был дан, и голос без ограничений, голос настоящий...» Сергей Соловьев сравнивал его с ацтекской скульптурой, загадочной и величественной.

Виктор Цой ушел, растворившись в «стеклах витрин».

Алена ДЕНЯГА

Фото Александра Сватикова

Сотрудники МКПС «Русский клуб» и члены объединения «Молот О.К.» на экскурсии в Кварели, приуроченной к юбилею Ильи Чавчавадзе

1512-2972